Годъ 2-й. 12-го МАЯ 1902 г. Годъ 2-й.

Гродненскія Епархіальныя Вѣдомости

ВЫХОДЯТЪ по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:
Купеческая ул. Соборный домъ.
Годовая цѣна 5 рублей.

№ 18—19.

При напечатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки, взимается:
За одинъ разъ 10 коп.
» два раза 15 »
» три раза 20 »

ОТДѢЛЪ I ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ и ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Резолюціей Его Преосвященства отъ 26 апрѣля за № 1478, псаломщикъ Молодовской церкви, Кобринскаго уѣзда, Владиміръ **Тарановичъ отрѣшенъ** отъ должности.

НЕКРОЛОГЪ.

23-го апрѣля скончался отъ паралича сердца, на 67 году жизни, Бѣльскій благочинный, священникъ Бѣльской Михаило-Архангельской церкви Августинъ Тарановичъ.

28-го апрѣля скончался проживавшій въ городѣ Вильнѣ заштатный священникъ Сѣдельникской ц., Волковыскаго уѣзда, Николай Будиловичъ.

Вакантныя мѣста.

Священниковъ: въ г. Пружанахъ, при Пречистенской церкви, 2-го священника (8); ключаря при Гродненскомъ Каѳедральномъ соборѣ (8); с. Ляховцѣ, Брестскагѡ у. (5); с. Осовцѣ, Брестскаго у. (5), и г. Бѣльскѣ, при Махаило-Архангельской церкви (1).

Псаломщиковъ: въ м. Каменецъ-Литовскѣ, Брестскаго уѣзда (5) и с. Молодовѣ, Кобринскаго у. (1).

Къ свѣдѣнію и исполненію духовенства епархіи.

Предложеніе Преосвященнѣйшаго Іоакима, Епископа Гродненскаго и Брестскаго, на имя Консисторіи отъ 25 марта сего года за № 1156.

Въ цѣляхъ полнаго упорядоченія церковнаго хозяйства въ приходахъ Гродненской епархіи и въ дополненіе къ распоряженію Епархіальнаго Начальства, пропечатанному въ № 2 Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1902 г., необходимо принять къ исполненію слѣдующія правила.

Кромѣ церковныхъ приходо-расходныхъ книгъ, въ которыя обыкновенно поступленія, а равно отчасти и расходы вписываются въ общихъ цифрахъ по извѣстнымъ опредѣленнымъ рубрикамъ, необходимо въ каждой церкви имѣть особую книгу, которую можно назвать старостинской, такъ какъ она должна быть постоянно на рукахъ церковнаго старосты. Въ старостинскую книгу необходимо вписывать всѣ поступленія церковныя, изъ какихъ бы источниковъ они не поступали, т. е. за свѣчи, кружечныя и кошельковыя, пожертвованія при бракахъ, погребеніяхъ, за заказныя обѣдни, всякія пожертвованія случайныя, не имѣющія особаго назначенія, а равно также частныя и по приговорамъ обществъ поступленія спеціальныя, какъ-то: на устройство или ремонтъ церкви, пріобрѣтеніе церковной утвари, сооруженіе колоколовъ, кіотовъ и т. п. Всякое поступленіе должно быть записано въ старостинской книжкѣ подъ тѣмъ числомъ, когда оно принято церковнымъ старостой. Старостинская книжка должна быть перенумерована, прошнурована и припечатана печатью мѣстнаго благочиннаго.

Въ концѣ каждаго мѣсяца, предъ счетомъ денегъ, по старостинской книжкѣ долженъ быть подведенъ итогъ поступленій въ теченіе мѣсяца. Итогу должна соотвѣтствовать наличная сумма, которая въ теченіе мѣсяца, по мѣрѣ поступленій, вкладывалась въ мѣсячную кружку, припечатанную печатью настоятеля церкви и запертую на ключъ церковнаго старосты. Мѣсячная кружка въ концѣ мѣсяца вскрывается въ присутствіи всѣхъ членовъ

причта, церковнаго старосты и двухъ уполномоченныхъ отъ общества крестьянъ. Послѣ счета мѣсячная сумма вкладывается въ общій церковно-денежный ящикъ, въ которомъ хранятся церковныя суммы, процентныя бумаги, росписки банковъ и книжки сберегательной кассы, а мѣсячная кружка въ присутствіи лицъ, производившихъ мѣсячный счетъ, вновь припечатывается и запирается на ключъ на слѣдующій мѣсяцъ.

Немедленно же, послѣ мѣсячнаго счета, слѣдуетъ запись въ приходо расходныя книги въ общихъ цифрахъ мѣсячныхъ поступленій по соотвѣтствующимъ рубрикамъ, именно: 1) отъ продажи свѣчей; 2) собранныхъ на блюда или въ кружки во время богослуженій въ церкви; 3) вынутыхъ изъ наружныхъ кружекъ, гдѣ таковыя есть; 4) пожертвованій отъ прихожанъ при погребеніяхъ, бракахъ и прочихъ требахъ и случайныхъ пожертвованій, не имѣющихъ вообще спеціальныхъ назначеній; 5) пожертвованій частныхъ или по приговорамъ обществъ на постройку или ремонтъ церкви, сооруженіе колоколовъ, кіотовъ, утвари церковной и прочихъ, имѣющихъ свое особое назначеніе.

Общія мѣсячныя записи поступленій въ приходо-расходныя книги по рубрикамъ должны вполнѣ соотвѣтствовать частнымъ записямъ старостинской книжки. О.о. благочинные при ревизіи церквей, а равно и при пріемѣ годичной отчетности отъ причтовъ церквей, обязаны провѣрять приходо-расходныя и старостинскія книжки и какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ дѣлать соотвѣтствующія записи.

Вообще всѣ денежныя поступленія въ церковь, а также деньги, вырученныя за поступившія въ пользу церкви вещественныя приношенія холстомъ, воскомъ и пр., изъ какихъ бы источниковъ и въ какихъ бы размѣрахъ онѣ не поступали, обязательно должны быть вписываемы какъ въ старостинскія, такъ и въ приходо-расходныя книги и притомъ *безъ малѣйшаго уменьшенія* въ записяхъ противъ дѣйствительной суммы поступленій. Всякое уменьшеніе въ записи есть злоупотребленіе и преступленіе, влекущее за собою строгое наказаніе, какъ за злонамѣренное сокрытіе части церковныхъ доходовъ и ничѣмъ не можетъ быть оправдано.

Вмѣстѣ съ церковными поступленіями не должны быть вписываемы въ старостинскія и приходо-расходныя церковныя книги, а также не должны быть вкладываемы ни въ мѣсячныя, ни въ общія кружки какія бы то ни было другія суммы, какъ, напримѣръ, братскія, попечительскія и другія. Только церковно-школьныя суммы могутъ быть хранимы въ общемъ денежномъ церковномъ ящикѣ и притомъ не иначе, какъ по особому счету. Также равно не могутъ быть собираемы въ храмахъ членскіе взносы церковныхъ братствъ и попечительствъ, а тѣмъ болѣе не могутъ быть продаваемы въ храмахъ вмѣстѣ съ церковными братскія свѣчи, какъ это практикуется въ нѣкоторыхъ приходахъ (напримѣръ въ Бытенскомъ, Слонимскаго уѣзда).

Въ денежномъ церковномъ ящикѣ нельзя хранить болѣе 100 руб. Въ случаѣ накопленія церковной суммы свыше 100 руб., таковая немедленно должна быть вкладываема въ сберегательную кассу, или обращаема въ процентныя государственныя бумаги.

Равнымъ образомъ должны быть вносимы какъ въ приходо-расходную книгу, такъ и въ старостинскую книжку всѣ безъ исключенія расходы, производимые изъ церковныхъ суммъ всѣхъ наименованій, какъ бы мелочны сіи расходы ни были и на удовлетвореніе какихъ бы нуждъ (церковныхъ, причтовыхъ, школьныхъ, пѣвческихъ и т. п.) онѣ ни употреблялись.

ОТДѢЛЪ II НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ХРОНИКА.

6-го мая, въ день рожденія Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича, послѣ божественной литургіи въ Каѳедральномъ соборѣ, совершенной архимандритомъ Василіемъ, въ сослуженіи соборнаго духовенства, было совершено благодарственное Господу Богу молебствіе, къ которому прибыло все градское и военное духовенство.

Въ тотъ же день, въ 3 часа пополуди, въ Гродненскомъ благородномъ собраніи состоялось прощаніе бывшаго Гродненскаго губернатора, князя Урусова, назначеннаго Полтавскимъ губернаторомъ, съ бывшими сослуживцами—представителями отдѣльныхъ гражданскихъ и военныхъ частей, а также и городского общества. Напутственное молебствіе совершено было о. архимандритомъ Василіемъ, въ сослуженіи: о. каѳедральнаго протоіерея Н. Диковскаго, протоіерея о. Гр. Кудрицкаго и священниковъ о. А. Лечицкаго и о. С. Ивацевича. Краткое, но сердечное напутственное слово отъѣзжающимъ князю Н. П. Урусову и его супругѣ Вѣрѣ Георгіевнѣ было произнесено о. архимандритомъ Василіемъ. Послѣ молебствія и. об. губернатора, камергеромъ Двора Его Величества В. Д. Лишинымъ была сказана отъѣзжающимъ прощальная рѣчь и отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ при прощаніи поднесена икона Святителя Николая Чудотворца, въ знакъ глубокаго уваженія, въ молитвенное воспоминаніе и благословеніе на дальнѣйшее служеніе на трудномъ и отвѣтственномъ посту.

За симъ депутаціей отъ еврейскагообщества во главѣ съ раввиномъ была поднесена отъ мѣстнаго еврейскаго общества его сіятельству св. Библія на еврейскомъ и русскомъ языкахъ и прочитанъ прочувствованный адресъ, заключенный въ изящную папку, написанный на древнееврейскомъ языкѣ съ параллельнымъ русскимъ переводомъ. Прощаніе носило сердечный характеръ и выпуклыми чертами отмѣтило то высокое уваженіе, какое снискала себѣ княжеская чета во время недолгаго своего пребыванія въ Гроднѣ (не больше года) во всѣхъ слояхъ здѣшняго общества. Въ его сіятельствѣ Н. П. Урусовѣ Гродна теряетъ твердаго администратора высокой справедливости и гуманности, всѣмъ доступнаго, прямодушнаго, искренно-преданнаго служебному долгу, необычайно трудолюбиваго и дѣятельнаго. Пожелаемъ и мы назначенному на новый отвѣтственный постъ, князю Н. П. Урусову бодрости душевной и тѣлесной на новомъ мѣстѣ служенія Престолу и отечеству и осуществленія возложеннаго на него Высочайшею волею тяжелаго труда

умиротворенія смущенной недавними волненіями Полтавской губерніи. 7-го мая, въ 1 часъ дня, князь Урусовъ отбылъ къ мѣсту новаго своего служенія.

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Значеніе его въ русской поэзіи *).

Ничто такъ не расширяетъ духа человѣческаго, ничто не окрыляетъ его такимъ могучимъ орлинымъ полетомъ въ безпредѣльныя пространства красоты и совершенства, какъ изученіе великихъ твореній ума и фантазіи человѣческой, какъ ближайшее ознакомленіе съ жизнью и дѣятельностью выдающихся писателей и поэтовъ. Они, запечатлѣнные особою благодатью Божіею, вдохновенные какъ бы наитіемъ съ неба, то возвышаютъ душу человѣческую мощнымъ сознаніемъ величія ея, то, напротивъ, пробуждаютъ въ насъ глубокое раздумье, тяжелое раскаяніе о несовершенствахъ нашей природы. Могучимъ словомъ своимъ, убѣжденною мыслью они расширяютъ нашъ умственный кругозоръ, возвышаютъ нравственныя достоинства, пробуждаютъ добрыя чувства любви къ Богу и ближнему. По словамъ Гоголя, великія заслуги котораго предъ русскимъ народомъ, мы чествовали 2 мѣсяца тому назадъ, поэтъ своимъ вдохновеннымъ словомъ прежде всего ободритъ умнаго, но унылаго человѣка, поведетъ его на брань противъ унынія, подниметъ его превыше страха и колебаній земли, и пробудитъ въ немъ сокрытыя силы, которыя спасутъ его отъ унынія. Онъ пробудитъ силы прекраснаго, но дремлющаго человѣка. Онъ броситъ ему съ берегу доску и закричитъ ему во весь голосъ, чтобы онъ спасалъ свою бѣдную душу. Слабѣя силами, этотъ несчастный уже далеко отъ берега; несутъ его въ пучину мутныя волны жизни; нечувствительно онъ облекается плотію, и сталъ уже весь плоть, и нѣтъ въ немъ души. Скорбнымъ воплемъ поразитъ несчастнаго болѣющая муза поэта, и спасетъ его отъ окончательнаго паденія. Поэтъ опозоритъ въ гнѣвномъ диѳирамбѣ своемъ эгоиста баловня судьбы, его проклятую роскошь и скверную жену, погубившую, и себя, и дѣтей, и мужа, и презрѣнный порогъ ихъ постыднаго дома, и гнусный воздухъ которымъ тамъ дышатъ, чтобы, какъ отъ чумы, отъ нихъ все побѣжало бѣгомъ и безъ оглядки. Въ торжественномъ гимнѣ поэтъ возвеличитъ достойнаго труженика и добрую семью его, которая скорѣе готова сносить бѣдность и недостатки, нежели допустить себя сдѣлать несправедливость или подлость. Поэтъ выставитъ ихъ прекрасную бѣдность и чистоту ихъ жизни такъ, чтобы они, какъ святыня, засіяли у всѣхъ на глазахъ, и каждому изъ насъ захотѣлось быть и такимъ же бѣднымъ и такимъ честнымъ. Много, много предметовъ для поэта: дремлетъ наша удаль, дремлетъ рѣшимость и отвага на дѣло; дремлетъ наша крѣпость и сила среди вялой безыдейной жизни... И вотъ является Богомъ вдохновенный поэтъ... Онъ отряхаетъ сонъ съ очей нашихъ, огнемъ, а не словами онъ пробуждаетъ дремлющія наши силы. Подобно библейскому пророку, онъ, посыпавъ пепломъ главу, разодравши ризы, своими душевными ранами и страданіями вымолитъ у Бога силы, чтобы исцѣлять раны и страданія своихъ ближнихъ.

Этими высокими задачами преисполнены были жизнь и дѣятельность обоихъ поэтовъ, память которыхъ благодарно чествуетъ въ этомъ году вся грамотная Россія, Гоголя и Жуковскаго. Хотя они скончались въ одномъ году, но начало поэтической дѣятельности Жуковскаго относится къ болѣе раннему періоду, и поэтому творчество его носитъ совершенно иной характеръ сравнительно съ творчествомъ Гоголя. Жуковскій продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ и старался познакомить русское общество съ западно-европейскимъ романтизмомъ. Такъ какъ поэзія эта всецѣло основана на началахъ глубокой религіозности, то идеалы христіанства составляютъ главную основу поэзіи Жуковскаго. Глубокая вѣра въ Бога, смиренная покорность предъ его святою волею, равенство всѣхъ предъ Богомъ и законами природы, предпочтеніе небеснаго земному, духовнаго тѣлесному,—святость дружбы, уваженіе законной власти,—вотъ въ чемъ заключается паѳосъ поэзіи Жуковскаго.

Такъ какъ расцвѣтъ романтизма совпадаетъ съ расцвѣтомъ рыцарства, то идеалы послѣдняго также послужили содержаніемъ романтической поэзіи. Рыцарь долженъ былъ оказывать преданность вѣрѣ, защищать слабыхъ и угнетенныхъ, быть вѣрнымъ данному слову, почтительно вѣжливымъ къ женщинѣ, ставить личное свое достоинство и чувство чести выше всѣхъ благъ жизни и даже самой жизни. Женщина, какъ представительница болѣе слабой половины рода человѣческаго, но болѣе сильная чувствомъ, болѣе впечатлительная, а потому болѣе отзывчивая и на все доброе и благородное, пользуется особымъ покровительствомъ поэтовъ-романтиковъ. Чтобы не быть голословными въ томъ, насколько возвышенны идеалы романтической поэзіи, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Предъ нами Варвикъ, похититель короны и убійца своего царственнаго воспитанника, законнаго наслѣдника престола. Варвикъ воцарился, но вдругъ поднимается наводненіе, и онъ погибаетъ въ бурныхъ волнахъ рѣки, когда въ челнокѣ спасался отъ наводненія. У минарета, среди цвѣтовъ, играетъ младенецъ. Въ это время подъѣхалъ всадникъ и спрыгнулъ съ коня. То былъ страшный злодѣй, обагрившій много разъ свои руки кровью невинныхъ. Вдругъ раздается призывный голосъ муэззина на молитву. Мальчикъ набожно сталъ на колѣни, сложилъ ручки и, обратившись къ югу, началъ молиться. Эта картина такъ глубоко тронула зачерствѣвшее сердце злодѣя, что онъ заплакалъ, палъ ницъ предъ Богомъ и въ слезахъ принесъ искреннее покаяніе въ прошлой своей жизни.

А вотъ на выдержку его нѣкоторыя изъ болѣе крупныхъ произведеній. На купеческомъ кораблѣ Медуза мрачная одинокая каюта. Въ ней умираетъ командиръ судна, капитанъ Боппъ, злой, преступный и безчестный человѣкъ. Изъ мести «экипажъ рѣшилъ, чтобы онъ безъ помощи издохъ, какъ зараженный чумой, и это съ злобнымъ смѣхомъ было ему объявлено». 4 дня продолжается предсмертная агонія. Но вотъ къ нему украдкою пробирается двѣнадцатилѣтній мальчикъ Робертъ. Онъ досталъ

*) Рѣчь, произнесенная въ день празднованія въ мужской гимназіи юбилея писателя 23 апрѣля.

на кораблѣ евангеліе и сталъ читатьего предъ умирающимъ.

«При каждомъ словѣ молніею страшной
Душа въ немъ озарялась. Онъ вполнѣ
Все недостоинство свое постигнулъ,
И правосудіе Творца предстало
Ему съ погибелью неизбѣжимой.
Хотя и слышалъ онъ святое имя
Спасителя, но вѣрить онъ не могъ
Спасенію».

Постепенно святыя слова евангелія смягчали все болѣе и болѣе душу преступнаго человѣка.Онъ сталъ вѣрить и въ Бога и въ святое милосердіе. Съ молитвою на устахъ, примиренный съ Богомъ, онъ покидаетъ земную жизнь, и послѣдняя его просьба къ мальчику была, чтобы онъ всѣмъ на кораблѣ сказалъ, «что я прошу у нихъ прощенья, что я самъ ихъ всѣхъ прощаю, и что я за нихъ молюсь». Или вотъ трогательная повѣсть о трихидскомъ царѣ Цейксѣ. Необходимость заставляетъ его отправиться въ Дельфы. Со слезами умоляетъ его его вѣрная супруга не ввѣрять жизнь свою обманчивому морю: «волны—я зрѣла вчера—корабельны обломки носили»,—говорила она со слезами. Она умоляетъ его хотя бы взять ее съ собой въ опасное путешествіе... Но супругъ клянется вернуться черезъ два дня,—и уѣзжаетъ. Поднялась страшная буря. Не выдерживаетъ неравной борьбы съ разсвирѣпѣвшей стихіей утлое судно. Гибнетъ вмѣстѣ съ кораблемъ и несчастный Цейксъ. Громко взываетъ онъ о помощи къ богу Эолу, но еще чаще призываетъ онъ свою милую Гальціону. Вѣсть объ этомъ несчастіи долетаетъ до Гальціоны. Она не вынесла этого горя. Увидѣвъ плывущее мертвое тѣло своего мужа, она бросается въ волны. Сами боги тронуты этою безпредѣльною любовью, и обратили ихъ въ птицъ зимородковъ, «чтобы имъ обоимъ была одинаковая судьба, чтобы на-вѣки ихъ бракъ былъ не разорванъ». И понынѣ жалобный крикъ этихъ птицъ въ сумерки раздается по берегамъ моря, и невольно пугаетъ путешественниковъ. Столь же высокими идеалами проникнута вся поэзія Жуковскаго. Правда, при такомъ отношеніи къ жизни, у поэта могла бы явиться опасность проникнутая желаніемъ постоянно наставлять и поучать, впасть въ скучный дидактизмъ. Но поэтъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ характеръ своей музы: «что же, спроситъ, неужели поэтъ долженъ ограничиться одними гимнами Богу и всякое другое поэтическое созданіе считать за грѣхъ противъ божества и человѣчества. Отвѣтъ простой: не произноси имени Бога, но знай Его, вѣрь Ему, иди къ Нему; тогда, что бы ни встрѣтилось на пути твоемъ откровенному твоему оку, и что бы ни было это встрѣченное—высокое или мелкое, прекрасное или безобразное, забавное или мрачное—все оно, прошедъ чрезъ твою душу, пріобрѣтаетъ ея характеръ, не измѣнивъ въ то же время и своего собственнаго. Поэтъ въ выборѣ предмета не подверженъ никакому обязательному направленію. Поэзія живетъ свободою. Утративъ непринужденность, она теряетъ прелесть. Она должна быть легкокрылой ласточкой, съ криками радости летать между небомъ и землей, посѣщать всѣ климаты и народы и уносить нашу душу въ надзвѣздныя пространства, въ безпредѣльную высоту поднебесья». При такомъ возвышенномъ взглядѣ на поэзію, Жуковскій влагаетъ слѣдующія слова въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ Камоэнсъ:

..Поэзія небесной
Религіи сестра земная; свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобы мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбились
Съ пути...

И драма эта заканчивается словами:

Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли.

И дѣйствительно, по словамъ Бѣлинскаго, романтическая муза Жуковскаго была для дикой степи русской поэзіи элевзинской богиней Церерой; она дала русской поэзіи душу и сердце, познакомивъ ее съ таинствомъ страданія, утратъ, и полнаго тревоги стремленія въ оный таинственный свѣтъ, которому нѣтъ имени, нѣтъ мѣста, но въ которомъ душа человѣка чувствуетъ свою родную, завѣтную сторону. Мы слышимъ въ поэзіи Жуковскаго стоны растерзаннаго сердца, мы видимъ слезы по несбывшимся сладостнымъ мечтамъ,—и сочувствуемъ этому горю безъ утѣшенія, этой скорби безъ выхода, этому страданію безъ изцѣленія. Почва поэіи Жуковскаго глубоко коренится въ душѣ человѣка, гдѣ незримо начинаются всѣ ощущенія и чувства, гдѣ неумолкаемо раздаются вопросы о мірѣ и вѣчности,о смерти и безсмертіи, о судьбѣ личности человѣка, о таинствахъ любви, блаженства и страданія. Чудною высшею волею вложено было ему въ душу непостижимое ему самому стремленіе къ незримому и непостижимому. Въ душѣ его, точно въ героѣ его баллады Вадимѣ, раздавался небесный звонокъ, зовущій человѣка вдаль.

Правда, огромное большинство его произведеній являются переводами, преимущественно съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ. Онъ самъ сознавалъ это въ письмѣ къ Гоголю и говорилъ: У меня почти все чужое или по поводу чужого,—и все однако мое». Переводчикъ стихотворецъ, писалъ онъ, есть въ нѣкоторомъ смыслѣ творецъ оригинальный. Конечно, первая мысль стихотворенія принадлежитъ не ему. Но, онъ долженъ, наполнившись его идеаломъ, преобразить его въ созданіе собственнаго вооображенія, повторить отъ начала до конца работу его генія». Переводя, онъ производилъ своими переводами такое дѣйствіе, какъ самобытный, самоцвѣтный поэтъ. Все у него взято у чужихъ и больше у нѣмцевъ, но въ переводахъ его такъ отпечаталось стремленіе его собственной души, такъ одушевилъ онъ ихъ своею собственною жизнью, что оригиналы его кажутся намъ копіями, а переводы истинными оригиналами. По словамъ Гоголя, появленіе такого поэта могло произойти только среди Русскаго народа, въ которомъ такъ силенъ геній воспріимчивости, данный ему, быть можетъ, на то, чтобы оправить въ лучшую оправу все, что не оцѣнено, не воздѣлано, и пренебрежено другими народами.

Но эти высокіе идеалы романтизма, эти стремленія отрѣшиться отъ земли и плоти, конечно, не могли найти осуществленія въ этой жизни, полной горькихъ увлеченій, своекорыстныхъ расчетовъ, духовной немощи и безволія. Отсюда грусть и меланхолія являются преобладающимъ тономъ почти во всѣхъ произведеніяхъ Жуковскаго. Кажется, какъ будто поэзія его любитъ и голубитъ свое страданіе. И если вы захотите вполнѣ насладиться прелестью стиховъ Жуковскаго, прочтите ихъ въ ту минуту жизни вашей, когда постигнетъ васъ какое-нибудь горе, когда понесете сильную сердечную или душевную утрату. Тогда въ Жуковскомъ вы найдете друга, который раздѣлитъ съ вами горе ваше, найдетъ слово для выраже-

нія и пониманія его—а это сочувствіе и пониманіе уже на половину облегчаетъ страданіе ваше. Это элегическое настроеніе отличаетъ всю поэзію Жуковскаго, такъ что большинство этихъ стихотвореній является и выраженіемъ глубокой скорби поэта, и выраженіемъ глубокаго сострадація къ людямъ. Но поэтъ глубоко-вѣрующій человѣкъ,—и эта вѣра является источникомъ утѣшенія въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыми переполнена наша жизнь.

Земная жизнь небеснаго наслѣдникъ;
Несчастье намъ учитель, а не врагъ;
Спасительно-суровый собесѣдникъ,
Безжалостный разитель бренныхъ благъ
Великаго понятный проповѣдникъ.
Намъ объ руку на тайный жизни прагъ
Оно идетъ, все руша передъ нами
И скорбію дружа насъ съ небесами.

И еще опредѣленнѣе эта же мысль выражена устами Камоэнса въ драмѣ того же имени:

Неправедно роптлалъ я на страданье;
Мнѣ въ душу Богъ вложилъ его—Онъ правъ:
Страданіемъ душа поэта зрѣетъ,
Страданіе святая благодать.

И эта вѣра спасла Жуковскаго отъ унынія. Она дала ему силы съ любовью относиться и къ людямъ и къ жизни, когда личная жизнь его отравлена была никогда не закрывавшеюся раною. Въ самомъ дѣлѣ, какой трагизмъ представляетъ личная судьба поэта: онъ пользуется любовью всѣхъ окружающихъ; онъ дѣлитъ дружбу и съ высшими представителями ума и мысли въ Россіи, и съ знатнѣйшими представителями власти и служебнаго положенія, онъ другъ и довѣренное лицо въ Царской Семьѣ, воспитатель Наслѣдника Престола,—а личнаго счастья не знаетъ. Глубокій поклонникъ семейной жизни, въ ней одной видѣвшій возможность осуществить счастіе на землѣ, онъ лишенъ былъ этого счастія до глубокой старости, и лучшую пору своей жизни, отъ 29 до 40 лѣтъ, онъ провелъ въ постоянныхъ душевныхъ страданіяхъ и сердечныхъ мукахъ, разлученный роковымъ образомъ съ тою дѣвушкою, брачный союзъ съ которой онъ считалъ идеаломъ земного своего счастія. До какой степени это страданіе глубоко коренилось въ сердцѣ Жуковскаго, видно изъ того, что огромное большинство стихотвореній этого періода представляетъ собою различныя варіаціи на тему въ несчастной любви; что онъ и много лѣтъ спустя послѣ смерти избранницы своего сердца, часто пріѣзжалъ въ Дерптъ помолиться на могилѣ Марьи Андреевны, предаться мечтамъ о возможномъ счастьѣ и разбитыхъ навсегда надеждахъ. Въ этомъ отношеніи судьба Жуковскаго имѣетъ много сходства съ судьбою уже упомянутаго нами писателя Гоголя. И онъ послѣднія 10 лѣтъ своей жизни провелъ въ постоянной скорби, тоскѣ, страдая тяжелымъ нравственнымъ состояніемъ. О своемъ настроеніи онъ частенько говорилъ, что «повѣситься или утопиться ему казалось похожимъ на какое-то лѣкарство или облегченіе». И эти 2 писателя, перенесшіе столько нравственныхъ страданій, явили міру и для міра столько дивныхъ произведеній, которыя проливаютъ успокоеніе въ душу человѣка, любовь къ жизни и утѣшеніе въ постигающихъ насъ несчастіяхъ. И какъ послѣ этого не сказать словами Апостола: «Не оживетъ, аще не умретъ». Нужно прежде умереть, чтобы воскреснуть. Въ самомъ дѣлѣ, душевныя раны легче пойметъ тотъ, кто ихъ самъ носитъ въ душѣ; о нашемъ горѣ искреннѣе поболѣетъ тотъ, кому оно не чуждо, утретъ слезу ближнему скорѣе тотъ, кто самъ испыталъ, сколько горечи находится въ слезахъ. И не нужно поэтому удивляться злой ироніи судьбы: изъ русскихъ писателей насъ больше всѣхъ заставляетъ смѣяться тотъ, кто, быть можетъ, въ жизни больше всѣхъ плакалъ и страдалъ, и о счастьѣ людей, и въ частности о семейномъ благополучіи вдохновеннѣе всего пѣлъ тотъ, лучшая пора жизни котораго роковымъ образомъ была изломана, и который это благополучіе испыталъ только на закатѣ дней своихъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что не только произведенія Жуковскаго, но и самая жизнь служатъ проявленіемъ любви къ ближнему, стремленія подать руку изнемогшему духомъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что вся дѣятельность его представляла безконечную череду добрыхъ дѣлъ, при чемъ онъ не щадилъ въ этомъ отношеніи ни своего спокойствія, ни своихъ денежныхъ средствъ, ни своего высокаго положенія при Дворѣ. Онъ былъ ангеломъ-утѣшителемъ несчастнаго слѣпца поэта Козлова, который болѣе 20 лѣтъ не вставалъ съ одра болѣзни; онъ былъ другомъ и повѣреннымъ нашего славнаго поэта Пушкина, закрылъ для вѣчнаго сна его очи, и первый оставилъ намъ трогательное описаніе его ужасной кончины; онъ былъ добрымъ геніемъ несчастнаго Гоголя, особенно въ тѣ минуты, когда этотъ послѣдній былъ близокъ къ отчаянію, и чуть не готовъ былъ наложить на себя руки. Глубоко трогательнымъ представляется его отношеніе къ сосланнымъ въ Сибирь декабристамъ. Вотъ что по этому поводу онъ писалъ Императору Николаю Павловичу 8 іюня 1837 года изъ Златоуста, во время путешествія Наслѣдника Престола по Сибири. «Государь, Наслѣдникъ Вашъ представитель, но представитель не Вашей власти, власть впереди, а Вашей благости, прекраснаго достоянія царей и лучшаго достоянія царей самодержавныхъ. И Россія видѣла лицо этого представителя. Нельзя выбрать болѣе привлекательнаго представителя святѣйшей изъ добродѣтелей царскихъ. Но будучи представителемъ Вашей благости, пускай оставитъ онъ по себѣ и ея памятникъ, такой памятникъ, который бы вся Россія разомъ, съ одною общею молитвою, воздвигнула отцу милующему и сыну, посреднику милосердія. Государь, даруйте всепрощеніе несчастнымъ, осужденнымъ и достойно наказаннымъ по заговору 1825 г. Пускай этотъ актъ, въ которомъ выразится самодержавіе во всей свойственной ему красотѣ и силѣ, ознаменуетъ первое посѣщеніе Сибири сыномъ Царскимъ. Пускай въ то же время скажутъ по всей Россіи: Государь показалъ намъ своего сына ангеломъ радости». Столь же великодушнымъ онъ представляется намъ и въ помощи ближнему своими матеріальными средствами. Крѣпостныхъ своихъ крестьянъ онъ отпустилъ безъ выкупа на волю; своихъ племянницъ, дочерей Ал. Андреевны Воейковой онъ обезпечилъ приданымъ, на что отдалъ всѣ сбереженныя деньги свои, въ количествѣ 115,000 р. ассигнаціями; когда онъ жилъ при Дворѣ, въ зданіи Эрмитажа, то на лѣстницѣ возлѣ его квартиры съ утра толпились нищіе, бѣдные и просители всякаго рода и званія. Онъ не умѣлъ никому отказывать, и, по словамъ Смирновой, онъ показалъ однажды свою записную книжку, при чемъ выяснилось, что онъ въ одинъ годъ раздалъ 18.000 ассигнаціями, что составляло большую половину его состоянія.

Такимъ образомъ вполнѣ естественнымъ и понятнымъ является тотъ подъемъ національнаго и нравствен-

наго чувства, которыми сопровождаются литературныя поминки великихъ мыслителей и поэтовъ. Какъ не исполниться глубокою благодарностью къ тому, который своимъ вѣщимъ словомъ въ состояніи и облегчить наше страданіе, и доставить намъ нравственное успокоеніе.

Въ одной восточной сказкѣ разсказывается о двухъ людяхъ: одинъ изъ нихъ былъ король, который каждую ночь во снѣ видѣлъ себя нищимъ, пораженнымъ страшною проказою, изнемогающимъ отъ невыносимыхъ страданій; другой былъ нищій, которому каждую ночь снилось, что онъ счастливѣйшій принцъ и живетъ въ роскошныхъ палатахъ, среди нѣги и довольствія. Нельзя сказать, чтобы король былъ въ выигрышѣ. Невольно припоминается поэтому одно изъ стихотвореній Фета: Поэтамъ.

Въ вашихъ чертогахъ мой духъ окрылился,
Правду провидитъ онъ съ высей творенья.
Этотъ листокъ, что изсохъ и свалился,
Золотомъ вѣчнымъ горитъ въ пѣснопѣньѣ.
Только у васъ мимолетныя грезы
Старыми въ души глядятся друзьями;
Только у васъ благовонныя розы
Вѣчно восторга блистаютъ слезами.
Съ торжищъ житейскихъ, безцвѣтныхъ и душныхъ,
Видѣть такъ радостно тонкія краски,
Въ радугахъ вашихъ прозрачно-воздушныхъ
Неба родного мнѣ чудятся ласки.

Вполнѣ понятно и то чувство признательности, которое мы питаемъ къ памяти великихъ поэтовъ. Любя ихъ, человѣкъ любитъ свое счастье; вспоминая ихъ дивныя творенья, душа человѣка окрыляется энергіей и высшею правдою. И это справедливо въ особенности относительно Жуковскаго, который такъ явно считалъ небо своею родиной, а землю своимъ изгнаніемъ. И теперь, чѣмъ далѣе мы отдѣляемся отъ времени Жуковскаго, тѣмъ болѣе выростаетъ въ нашихъ глазахъ скорбная и любящая фигура поэта, взирающая на насъ глубокими очами праведника изъ своей таинственной вѣчности.

А. Ф. Пигулевскій.

ЖУКОВСКІЙ,

КАКЪ ПОЭТЪ и ВОСПИТАТЕЛЬ *).

Удѣлимъ нѣсколько минутъ памяти незабвеннаго поэта нашего В. А. Жуковскаго, который всю свою жизнь посвятилъ служенію правдѣ, истинѣ и красотѣ, который въ своихъ дивныхъ, чарующихъ, нѣжныхъ звукахъ, полныхъ романтической прелести и патріотической теплоты, умѣлъ пробудить въ русскомъ обществѣ хорошія чувства, лучшія и благородные порывы...

*) Рѣчь, произнесенная на литературно-музыкальномъ вечерѣ въ память В. А. Жуковскаго, въ актовомъ залѣ Гродненской мужской гимназіи, 23 апрѣля.

Отличительною чертою Жуковскаго какъ въ поэзіи, такъ и въ жизни была человѣчность—въ настоящемъ, христіанскомъ значеніи слова. Эта человѣчность такъ привлекаетъ къ себѣ всѣхъ, потому что она состоитъ въ чуткости сердца, въ отзывчивости и благородствѣ души, въ сострадательности и любви къ ближнему. А какъ горячо Жуковскій любилъ поэзію! Поэзія для него не была только искусствомъ, а «самою сущностью жизни, безъ которой эта жизнь была бы чѣмъ-то безсодержательнымъ, безсмысленнымъ».

Но этимъ не исчерпываются заслуги нашего поэта. Съ памятью о Жуковскомъ соединяется память объ одномъ изъ великодушнѣйшихъ и гуманнѣйшихъ Государей, соединяется память о всѣхъ великихъ дѣлахъ незабвеннаго для Россіи Царя-Освободителя.

Жуковскій былъ сыномъ помѣщика Аѳанасія Ивановича Бунина и турчанки Сальхи, взятой въ плѣнъ при штурмѣ крѣпости Бендеръ. Поэтъ родился 29-го января 1783 года въ селѣ Мишенскомъ, Тульской губерніи, въ 3 верстахъ отъ уѣзднаго города Бѣлева.

Маленькій Жуковскій воспитывался въ семьѣ Бунина вмѣстѣ съ его дѣтьми и внуками. Такимъ образомъ раннее дѣтство Жуковскаго протекло въ деревнѣ, въ барской усадьбѣ, среди роскошной сельской природы. Огромный паркъ, примыкавшій къ дому, шумѣлъ своими вѣковыми деревьями; дубовая роща, ручеекъ въ долинѣ, виды на отдаленные пышные луга и нивы, на близкое село съ церковью—вся прелесть деревенской обстановки наполняла душу молодого мечтателя—будущаго поэта, тѣмъ тихимъ и обаятельнымъ восторгомъ, который льется въ кроткую душу отъ безпрестаннаго общенія съ природой. Обученіе ребенка не имѣло настоящей связи и послѣдовательности.

Зато дѣтскія игры въ тѣни рощъ и садовъ въ обществѣ внучекъ Маріи Григорьевны Буниной (племянницъ Жуковскаго) и дѣвочекъ изъ сосѣднихъ мѣстностей развивали умственныя и душевныя способности не хуже, чѣмъ школьныя занятія.

Эта мирная жизнь, располагающая къ тихой грусти и мечтательности, развила въ немъ природную склонность къ чувствительности. А воспитаніе въ женскомъ нѣжномъ обществѣ развило въ немъ любовь и симпатію ко всему нѣжному, чистому и возвышенному и отвращеніе отъ всего грубаго, низкаго, недостойнаго человѣка.

По окончаніи курса въ пансіонѣ, Жуковскій, отказавшись отъ служебной карьеры, въ 1802 году возвратился въ село Мишенское, полное прекрасныхъ воспоминаній его дѣтства, воспоминаній, которыя до глубокой старости согрѣвали его фантазію. Въ это время написаны самыя задушевныя лирическія произведенія Жуковскаго. Зазвучали мечтательно-нѣжныя струны дружбы, любви, добродѣтели, вѣры, самой теплой христіанской вѣры. Идеальный поэтъ устраиваетъ и жизнь свою въ соотвѣтствіи съ грезами поэзіи. Жизнь Жуковскаго въ Мишенскомъ представляетъ собою «поэтическій досугъ», исполненный труда, посвященный творчеству и самообразованію.

Расширяя умственный кругозоръ свой и заботясь о самоусовершенствованіи, поэтъ мечтаетъ посвятить жизнь свою служенію обществу. Желая осуществить высокую цѣль свою, Жуковскій окончательно избираетъ поприще поэта, или, по его выраженію, становится другомъ доб-

родѣтели. Черезъ 3 года онъ такъ опредѣляетъ избранный имъ путь:

«Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать».

(Элегія „Вечеръ" (1806).

Въ «Мишенскомъ» Жуковскій перевелъ элегію Грея: «Сельское кладбище». «Сельское кладбище» сразу поставило Жуковскаго въ ряды лучшихъ поэтовъ русскихъ. Мягкій, полный грусти и мечтательности стихъ Жуковскаго, чудныя описанія природы, вѣрное воспроизведеніе жизни трудового сельскаго населенія, проникнутое гуманнымъ чувствомъ къ этому сословію, а главное—задушевный тонъ всего стихотворенія, какъ отпечатокъ чуткой ко всему прекрасному, женственно-нѣжной души идеальнаго пѣвца—произвели глубокое впечатлѣніе на современныхъ читателей. Муза Жуковскаго, по словамъ Бѣлинскаго, открыла изумленнымъ глазамъ стараго поколѣнія совершенно новый міръ поэзіи. Намъ разъ случилось слышать, говоритъ критикъ, какъ поражены были всѣ, когда, привыкши къ громкимъ фразамъ, въ родѣ: «О ты, священна добродѣтель»!—они вдругъ прочли стихи, подобные слѣдующимъ:

«Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой» и пр.

Въ 1805 году овдовѣла Екатерина Аѳанасьевна Протасова и, возвратившись на родину, поселилась съ двумя своими дочерьми Марьей и Александрой Андреевными въ Бѣлевѣ. Жуковскій вызвался заняться воспитаніемъ ея дочерей.

Изъ двухъ ученицъ Жуковскаго старшая Марья Андреевна рано заронила искру въ сердце нашего мечтателя. Глубокое и сильное чувство это отразилось потомъ на всемъ творчествѣ поэта, придавъ ему задушевный и вмѣстѣ грустный характеръ.

Жуковскій рѣшился открыть свою любовь и намѣреніе жениться на Марьѣ Андреевнѣ ея матери Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ. Екатерина Аѳанасьевна объявила, что въ силу родства эта женитьба невозможна. Напрасно Жуковскій убѣждалъ ее, напрасно показывалъ онъ ей письмо Преосв. Филарета, въ которомъ этотъ святитель говорилъ, что къ женитьбѣ Жуковскаго на Марьѣ Андреевнѣ нѣтъ препятствія. Екатерина Аѳанасьевна стояла на своемъ и своимъ упорствомъ и внѣшнимъ формализмомъ разбила счастье Жуковскаго и счастье своей собственной дочери. Извѣстно, что Жуковскій пользовался взаимностью со стороны Марьи Андреевны. Да и могла ли эта чудная дѣвушка не полюбить идеальнаго поэта, когда, по отзывамъ современниковъ, знать Жуковскаго и не полюбить было невозможно. Вотъ слова о немъ этой женщины, которую онъ такъ трогательно любилъ, слова Марьи Андреевны Протасовой: «Что за дивный человѣкъ. Его прекрасная душа есть одно изъ украшеній міра Божьяго».

Уже будучи замужемъ за Мойеромъ, незадолго до своей смерти, Марья Андреевна посѣтила деревенскій домъ Жуковскаго, вошла въ тѣнистый садъ и здѣсь съ горькимъ плачемъ бросилась на землю и лобызала ее. «Въ этомъ домѣ», писала она: «пережила я лучшіе часы моей жизни; каждое утро было для меня наступленіемъ блаженства и каждый вечеръ былъ для меня любъ, потому что я засыпала въ ожиданіи слѣдующаго утра... Мнѣ выпалъ совсѣмъ иной жребій сравнительно съ тѣмъ, о чемъ я мечтала».

Глубокое религіозное чувство и идеальные порывы и стремленія спасли его душу отъ отчаянія, погрузивъ его на многіе годы въ тихую меланхолическую грусть. «Для счастья», писалъ онъ: «нужно не одно своё; но и счастью я давно далъ другое имя. Я называю его должность. Подъ этимъ именемъ оно всегда сильно противъ судьбы».

Скорбь объ утраченномъ личномъ счастьѣ смягчается надеждой на счастье въ будущей загробной жизни. Эта надежда на загробное свиданіе выражена Жуковскимъ въ «Жалобѣ Цереры», «Теонѣ и Эсхинѣ» и съ особенною силою и выразительностью въ знаменитомъ его произведеніи: «Эолова арфа». Въ этомъ стихотвореніи поэтъ изображаетъ любовь Арминія и Минваны. Арминій—бѣдный пѣвецъ, Минвана—дочь Морвенскаго владыки. Неравенство ихъ общественнаго положенія и служитъ причиною ихъ несчастія. Покидая Минвану, Арминій привязываетъ свою арфу къ вѣтвистому дубу и даетъ заклинаніе, что въ эти вѣрныя струны перейдетъ его душа, когда его болѣе не будетъ.

«Съ тѣхъ поръ, унывая,
Минвана, лишь вечеръ, ходила на холмъ,
И звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ...»

Въ этомъ прекрасномъ и поэтическомъ произведеніи, по словамъ Бѣлинскаго, сосредоточенъ весь смыслъ, вся благоухающая прелесть романтики Жуковскаго. Эта любовь, несчастная по неравенству состояній, младенчески невинная, мечтательная и грустная, это свиданіе подъ дубомъ, полное тихаго блаженства и трепетнаго предчувствія близкаго горя, и арфа, повѣшенная «залогомъ прекрасныхъ минувшихъ дней», и явленіе милой тѣни одинокой красавицѣ, сопровождаемое таинственными звуками и возвѣстившее утрату всего милаго на землѣ: все это такъ и дышитъ музыкой сѣвернаго романтизма, неопредѣленнаго, туманнаго, унылаго, возникшаго на гранитной почвѣ Скандинавіи и туманныхъ берегахъ Альбіона... Надо живо помнить первыя лѣта своей юности, надо живо помнить эти дни сладкой тоски, мечтательнаго раздумья и тревожнаго порыванія въ какой-то таинственный міръ, надо живо помнить это время своей жизни, чтобы понять, какое глубокое впечатлѣніе должны производить на юную душу эти прекрасные стихи послѣдняго куплета баллады:

«И нѣтъ ужъ Минваны...
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей—
Двѣ видятся тѣни:
Слiявшись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣни...
И дубъ шевелится, и струны звучатъ».

Жуковскій до конца жизни остался вѣренъ своему чувству. Уже впослѣдствіи, въ годы своей славы, Жуковскій, всякій разъ, когда только онъ могъ отлучиться отъ своихъ занятій при дворѣ, спѣшилъ уѣхать на могилу Марьи Андреевны. Посѣщалъ онъ это для него святое мѣсто и зимою. Здѣсь онъ надѣялся устроить и

свое послѣднее земное жилище, но его надежда не сбылась.

Изъ стихотвореній, написанныхъ въ этотъ періодъ, замѣчательны: „Мой другъ, хранитель, ангелъ мой“ и прелестное стихотвореніе, посвященное „Машѣ“, которое можетъ служить вообще характеристикою лирики Жуковскаго.

Въ это время уже опредѣлился характеръ поэзіи Жуковскаго. Обыкновенно принято считать Жуковскаго представителемъ новаго направленія въ русской литературѣ, именно романтическаго, господствовавшаго въ то время въ Западной Европѣ.

Не входя въ изученіе сущности романтизма, Жуковскій усвоилъ изъ него и перенесъ на русскую почву то, что соотвѣтствовало его душевному настроенію.

Вотъ почему его можно назвать оригинальнымъ поэтомъ и его поэзію самобытной. Чтобы понять сущность романтизма Жуковскаго, нужно поближе ознакомиться съ отличительными свойствами природы этого необыкновеннаго человѣка.

Съ рѣдкимъ благородствомъ, гуманностью, нѣжностью и какой-то мягкой женственностью характера, Жуковскій соединялъ въ себѣ и глубокую религіозность.

Грубая и пошлая дѣйствительность отталкивала его отъ себя и заставляла погружаться въ иныя области. Тамъ, гдѣ-то вдали, далеко-далеко рисуется поэту заря лучшей, высшей жизни.

Эти порывы къ безконечному, безпредѣльному, кроткая грусть при видѣ всей безполезности этихъ порывовъ—отличительныя черты характера Жуковскаго.

Такимъ характеромъ отличается и его романтизмъ. Его поэзія—поэзія души и сердца. Мечты любви съ ихъ чарующими звуками, мечты о дружбѣ, стремленіе сердца куда-то вдаль, тоска и ожиданіе чего-то лучшаго, новаго, кроткая печаль объ утратѣ, о прошломъ—вотъ мотивы его лирики.

И въ переводныхъ произведеніяхъ автора сохранялся основной тонъ его поэзіи.

Вездѣ душа его отыскиваетъ подвиги героизма, подвиги чистой, великой любви. Вездѣ это—поэзія юности съ ея безконечной и безпредѣльной грустью, томленіемъ по идеалу, когда душа не удовлетворяется настоящимъ, желаетъ чего-то лучшаго, высшаго.

Вотъ это-то тихое, въ душу проникающее обаяніе Жуковскаго, напоминавшаго нѣжною тоскою своею первыхъ христіанъ, и приводило въ восторгъ современниковъ, будило и будитъ лучшія чувства, лучшіе порывы въ обществѣ, любовь къ добру, истинѣ и гуманности...

Пламенная любовь Жуковскаго къ отечеству вдохновляла его на такія произведенія, какъ, напр. „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“, „Русская слава“, или какъ нашъ національный гимнъ, сдѣлавшійся лучшимъ украшеніемъ при всякомъ патріотическомъ торжествѣ. Не меньшимъ патріотическимъ одушевленіемъ исполнено „Посланіе Императору Александру I“, обратившее на него вниманіе Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Наибольшую же извѣстность изъ стихотвореній патріотическихъ получило посланіе къ Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: „На рожденіе Великаго Князя Александра Николаевича“.

Весь онъ, всѣмъ своимъ духовнымъ существомъ сказался въ знаменитыхъ, вдохновенныхъ строфахъ, которыми привѣтствовалъ день 17 апрѣля 1818 года, т. е. рожденіе будущаго воспитанника своего, будущаго Освободителя—Государя Александра II:

„Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ“!..

Поэтъ въ то время и не подозрѣвалъ, что ему самому впослѣдствіи, въ качествѣ воспитателя Наслѣдника престола, придется заронить въ отзывчивой душѣ будущаго Царя-Освободителя тѣ прекрасныя сѣмена гуманности, любви къ человѣчеству, которыя выразились, наконецъ, державною волею 19 февраля 1861 года.

Поэтъ былъ назначенъ наставникомъ Великаго Князя Александра Николаевича тотчасъ по вступленіи на престолъ Императора Николая Павловича.

И вотъ пѣвецъ-романтикъ, мечтавшій о независимости и „поэтическомъ досугѣ“, беретъ на себя этотъ трудный и отвѣтственный постъ безъ колебаній, принося свои планы въ жертву дорогой отчизнѣ.

Державный Государь зналъ, кого выбрать въ наставники своего любезнаго сына, будущую красу и гордость Россіи.

Жуковскій всю жизнь, воодушевлявшійся всѣмъ тѣмъ, что есть наиболѣе высокаго и прекраснаго въ человѣческой природѣ (припомнимъ: „При мысли высокой, что я человѣкъ, всегда возвышаюсь душою“), прежде всего позаботился о развитіи въ своемъ питомцѣ качествъ исключительно человѣческихъ. Онъ внушаетъ своему воспитаннику любить свой народъ, заботиться о немъ, гнушаться лести и твердо вѣрить въ торжество добра и необходимость служенія высшей истинѣ:

„Уважай народъ свой. Люби народъ свой. Имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго—вѣрь добродѣтели. Сія вѣра есть вѣра въ Бога“.

Поэтъ боится всего того, что можетъ вредить развитію свойствъ исключительно человѣческихъ, самыхъ драгоцѣнныхъ, единственныхъ, которыя составляютъ истинное достоинство человѣка. Въ письмѣ своемъ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ Жуковскій высказываетъ опасеніе, какъ бы коронація Государя со всѣмъ ея блескомъ не пробудила въ душѣ его питомца гордости и не внушила бы ему ложнаго понятія о величіи. Но успокаиваетъ себя тѣмъ, что если „питомецъ его видѣлъ великолѣпныя картины, то онъ видѣлъ также и простую любовь народа; она оставила глубокій слѣдъ въ его душѣ; не слѣдуетъ давать этому впечатлѣнію возможность изгладиться! На этой основѣ можно многое создать въ будущемъ“.

А вотъ въ чемъ Жуковскій видѣлъ красоту и величіе Царской власти:

„Божественное очарованіе всесильной благости, которая однимъ словомъ, въ одно мгновеніе можетъ животворить, воскрешать, изъ несчастія дѣлать счастье и безнадежность претворять въ утѣшеніе—принадлежитъ только Царямъ и Царскимъ дѣтямъ. Благость—ихъ верховная привиллегія, это та ступень, на которой они стоятъ между людьми и Божествомъ“. И такихъ мѣстъ безчисленное множество, и всѣ они свидѣтельствуютъ о томъ, что за душа была у этого „друга человѣчества“ и какъ благотворно было вліяніе чуткаго ко всему прекрасному поэта на отзывчивую душу благороднаго юноши—будущаго Царя-Освободителя.

И такъ, поэтъ попалъ ко двору, сдѣлался царедворцемъ, своимъ человѣкомъ въ Царской семьѣ. По поводу представленія Жуковскаго Императрицѣ еще въ маѣ 1815 г., Александръ Бестужевъ написалъ язвительную эпиграмму. „Кажется поэтъ", писалъ И. И. Дмитріевъ Тургеневу: „мало-по-малу превращается въ придворнаго; кажется, новость въ знакомствахъ, въ образѣ жизни начинаетъ прельщать его"..

Но они ошибались. Поэтъ и во дворцѣ былъ „тѣмъ же отрокомъ Бѣлева". И на верху своей славы идеальный поэтъ не переставалъ вѣрить въ то, во что до сихъ поръ вѣрилъ, любить то, что до сихъ поръ любилъ. Придворная жизнь не измѣнила этой цѣльной натуры. Жуковскій сталъ въ самыя простыя человѣческія отношенія къ Царской семьѣ, и то, чего не удалось бы достигнуть самому тонкому царедворцу, то удалось младенчески простодушному, чистому, какъ кристаллъ, поэту, представлявшему собою какую-то удивительную смѣсь ангела съ ребенкомъ, по отзыву одного изъ современниковъ.

Трогательно читать тѣ письма Жуковскаго, въ которыхъ онъ обращается къ Государю Императору, Императрицѣ и къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ: въ нихъ нѣтъ просьбъ лично о себѣ, но зато много о другихъ; онъ пользовался своимъ высокимъ положеніемъ, своею близостью къ Императору и въ особенности къ Императрицѣ лишь для того, чтобы облегчить положеніе находившихся въ бѣдѣ своихъ друзей, знакомыхъ, а то и просто всѣхъ тѣхъ, кто только ни прибѣгалъ къ его заступничеству.

Наилучшіе представители отечественной словесности, ея гордость, ея геніи, каковы Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Шевченко, народный поэтъ Кольцовъ и др. находили въ Жуко́вскомъ нѣжнаго, заботливаго друга, защитника въ минуты тяжкихъ невзгодъ.

Какъ честно и серьезно относился Жуковскій къ поразившей его мысли видно изъ того, что, переведши на русскій языкъ знаменитую поэму Байрона: „Шильонскій узникъ" и почувствовавъ святость свободы, онъ даетъ отпускную своимъ собственнымъ крѣпостнымъ людямъ,—и все это случилось ровно за 40 лѣтъ до освобожденія крестьянъ въ Россіи.

Въ 1837 году Жуковскій сопровождалъ Великаго Князя Александра Николаевича, тогда Наслѣдника престола, въ его путешествіи по Сибири.

Во время этого путешествія Жуковскій имѣлъ счастье воочію убѣдиться, что его старанія развить въ Цесаревичѣ человѣческія чувства пали на благодарную почву.

Видя бѣдственное положеніе декабристовъ, Наслѣдникъ посылаетъ письмо къ своему Державному Отцу съ ходатайствомъ о несчастныхъ. Тогда и Жуковскій присоединяется къ этому ходатайству въ письмѣ къ Императору отъ 8 іюня 1837 г., результатомъ чего явилось милостивое распоряженіе Императора объ облегченіи участія ссыльныхъ

Радости Жуковскаго не было предѣловъ. „Вчера", писалъ онъ Императрицѣ по поводу милости, оказанной декабристамъ: „была одна изъ счастливѣйшихъ минутъ моей жизни. Какое счастье увидѣть благостную Царскую душу во всей естественной красотѣ ея".

Собственно поэтическая дѣятельность Жуковскаго за это время выразилась въ цѣломъ рядѣ превосходныхъ переводовъ изъ Гердера, Шиллера, Гебеля, Саути, Уланда, Фукэ и др.

Къ числу произведеній въ народномъ духѣ нужно отнести его сказки. Сказки эти, написанныя съ теплотою и врожденнымъ поэту юморомъ, представляютъ прекрасное чтеніе для дѣтей.

Заслуги Жуковскаго, какъ переводчика, неоцѣненны, и переводы его составляютъ цѣнный вкладъ въ нашу литературу. Какъ переводчикъ, Жуковскій занимаетъ первое мѣсто какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературѣ. Довольно сказать, что нѣкоторые его переводы съ нѣмецкаго представляли такія несомнѣнныя достоинства, такіе перлы поэзіи, что вызвали обратный переводъ на нѣмецкій же языкъ.

Въ Шиллерѣ нашъ поэтъ находилъ много родственнаго съ общечеловѣческими идеалами, проводимыми въ его собственныхъ произведеніяхъ, а именно, стремленіе ко всему тому прекрасному, что составляетъ высшій интересъ жизни и безъ чего нельзя стать достойнымъ и просвѣщеннымъ гражданиномъ.

Гебель привлекаетъ его той свѣжестью и чистотою чувства, которыя являются отпечаткомъ его собственной кроткой и доброй души. Извѣстно, какъ цѣнилъ этого поэта великій Гете. „Гебель", говоритъ Гете: „ю всемъ, и на землѣ и на небесахъ, видитъ своего сельскаго жителя, съ плѣнительнымъ простосердечіемъ описываетъ онъ его полевые труды, его семейныя радости и печали; онъ даетъ душу растеніямъ, привлекательно изображаетъ все чистое, нравственное и радуетъ читателя картинами ясно-беззаботной жизни.

А сколько граціи, сколько поэтической прелести въ повѣсти Жуковскаго „Ундина", представляющей передѣлку прозаическаго романа Ламотта-Фукэ, столь родственнаго душѣ его по изображенію въ немъ человѣческихъ страданій. Героиней этой поэмы является водяное существо Ундина. Она лишена безсмертной души и только черезъ бракъ съ горячо любимымъ человѣкомъ Гульбрандомъ она получаетъ живую человѣческую душу. Какъ хороша, какъ обаятельна эта женщина, сколько благородства чистой идеальной красоты, сколько доброты въ ней, и какъ неотразимо все это дѣйствуетъ на сердце.

Но Гульбрандъ, не постигая всей цѣны посланной ему супруги, измѣняетъ ей, и она съ глубокой грустью покидаетъ его, унося въ иной міръ свою любовь. Но Ундина не помнитъ обиды, причиненной ей ея мужемъ. Этого мало, она думаетъ лишь о томъ, какъ бы спасти его; она предостерегаетъ его въ сонныхъ грезахъ отъ окончательной измѣны, которая причинитъ ему гибель; но такъ какъ предостереженія не образумили Гульбранда, она является къ нему, чтобы умертвить его (таковы законы подводнаго царства, которые она не въ силахъ нарушить), но является къ нему прежней, милой, любящей Ундиною:

„Съ небеснымъ она поцѣлуемъ
Въ руки его приняла, но изъ нихъ уже не пустила
Болѣ его; а крѣпче, все крѣпче къ нему прижимаясь,
Плакала, плакала тихо, плакала долго.
Выплакать душу хотѣла... какъ будто... пока напослѣдокъ
Въ немъ не пропало дыханье, и онъ не упалъ изъ прекрасныхъ
Рукъ Ундины бездушнымъ трупомъ къ себѣ на подушку".

Нѣтъ границъ богатству языка, которымъ передалъ эту поэму нашъ поэтъ. Даровитое, свѣжее, полное жизни перо чувствуется въ этомъ произведеніи. Въ немъ онъ

показалъ всю силу своего художественнаго творчества, все разнообразіе, всѣ блестящія стороны выдающагося таланта. Необыкновенная правдивость въ изображеніи человѣческихъ страданій, задушевность, теплота этой поэмы производятъ потрясающее впечатлѣніе. Очарованный читатель не можетъ оторваться отъ чуднаго міра, созданнаго фантазіей поэта. Но образы исчезаютъ и остаются тоскливые порывы, чувствуется внутренній протестъ противъ пошлой, обыденной, прозаической жизни

Въ 1840 году заканчивается дѣятельность Жуковскаго по воспитанію Наслѣдника. Награжденный по-царски и обезпеченный на всю жизнь, Жуковскій для поправленія здоровья уѣзжаетъ за-границу.

Въ 1841 году, когда Жуковскому было уже 57 лѣтъ, онъ женится на дочери своего друга полковника Рейтерна.

Наступилъ вечеръ жизни поэта. Но какъ прекрасенъ, какъ тихъ былъ этотъ вечеръ! Поэтъ, всю жизнь мечтавшій о семейномъ очагѣ, наслаждался мирнымъ счастьемъ въ тихой пристани съ милымъ, добрымъ, нѣжнымъ „товарищемъ", такъ довѣрчиво отдавшимъ ему свою молодую жизнь. Они жили первое время въ Дюссельдорфѣ, на его окраинѣ, въ нанятомъ домѣ, откуда разстилался прекрасный видъ съ верхняго балкона на Рейнъ. При домикѣ находился садикъ. Весною поселились тамъ соловьи и перекликались по ночамъ съ соловьями сосѣдняго парка.

Вдохновеніе ни на минуту не покидаетъ поэта. Онъ перевелъ всю Одиссею, нѣсколько пѣсенъ Иліады—этой колыбели человѣчества, по прекрасному выраженію Гете, со всей свѣжестью и прелестью непосредственнаго чувства, свойственнымъ первобытной поэзіи.

Въ переводахъ Магабгараты (Наль и Дамаянти), Шахъ-Наме (Рустемъ и Зорабъ) картины восточной природы переданы Жуковскимъ мастерски и съ сохраненіемъ мѣстныхъ красокъ.

Въ „Агасферѣ„ (оригинальномъ его произведеніи) просвѣчиваетъ любимая мысль поэта, что страданіе и несчастіе приводятъ человѣка къ высшему благу на землѣ, т. е. къ вѣрѣ; и что, стало быть, мы должны смотрѣть на страданія и несчастія, какъ на лучшіе дары неба.

Та же теплота, искренность и сердечность и теперь являются отличительными свойствами его характера и отражаются въ его поэзіи.

Ту же глубокую и въ то же время младенчески чистую вѣру сохранилъ онъ до глубокой старости. Тѣ же широкіе замыслы и планы роятся въ головѣ его.

Вотъ мы видимъ поэта на склонѣ лѣтъ въ рабочемъ кабинетѣ вмѣстѣ съ его малютками за азбукой и 4-мя правилами ариѳметики. Къ этимъ двумъ предметамъ присоединяются библейскіе разсказы.

„Чистая роса святыхъ фактовъ" падаетъ на воспріимчивое дѣтское сердце, и юный старецъ умиляется духомъ, видя, какъ дѣти его плачутъ, когда онъ имъ разсказываетъ послѣднюю вечерю Господа, его Геѳсиманскую молитву".

Поэтъ издаетъ книжку съ стихотвореніями и посвящаетъ ихъ милымъ дѣтямъ своимъ: Павлу Васильевичу и Александрѣ Васильевнѣ Жуковскимъ. Въ книжечкѣ 6 стихотвореній, въ томъ числѣ гимнъ „Боже, Царя храни". Въ его стихотвореніяхъ: „Птичка" и „Жаворонокъ" мастерски приспособлены къ дѣтскому возрасту тѣ идеи, которыя вдохновляли поэта во всю его долгую жизнь. „Птичка" является дѣтской элегіей, „Жаворонокъ"—дѣтскимъ религіознымъ гимномъ.

Но нельзя сказать, чтобы эта свѣтлая старость не омрачалась никакими огорченіями. Болѣзнь его самого, болѣзнь жены доставляла немало горькихъ минутъ. Притомъ поэтъ, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, чувствовалъ свое одиночество среди новыхъ поколѣній. Изъ его товарищей и сверстниковъ почти никого въ живыхъ не осталось. Положеніе Жуковскаго въ литературѣ было почетное, но онъ пересталъ быть въ ней живой силой и живымъ двигателемъ. Всего этого не могъ не замѣчать нашъ поэтъ и грустныя мысли, волновавшія его въ то время, выражены имъ въ прекрасномъ произведеніи „Царскосельскомъ лебедѣ", которое можно считать лебединою пѣснью самого автора.

Время незамѣтно подтачивало жизненныя силы Жуковскаго, и пришлось, наконецъ, сдаться этому богатырю, такъ бодро хранившему пламя поздней жизни.

Чрезвычайно трогательны послѣднія минуты жизни поэта. Поисповѣдавшись и причастившись Св. Таинъ, поэтъ въ умиленіи обратился къ дѣтямъ своимъ и со слезами сказалъ имъ: „Дѣти мои, вашъ Богъ былъ съ вами. Онъ самъ пришелъ къ намъ! Онъ въ насъ теперь! Радуйтесь, мои милые"! Силы его покинули, и онъ уснулъ спокойнымъ сномъ, а черезъ два дня тихо скончался въ Баденъ-Баденѣ 12 апрѣля 1852 г.

Такъ умираютъ только люди, чистые сердцемъ, безкорыстные служители идеи, живущіе на землѣ неземными интересами. Тѣло покойнаго было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невской Лаврѣ въ присутствіи Августѣйшаго питомца, тогда еще Наслѣдника престола, несшаго на кладбище гробъ съ останками дорогого своего наставника.

Почитателями таланта Жуковскаго воздвигнутъ ему памятникъ изъ темно-сѣраго полированнаго гранита съ высѣченными на немъ надписями, характеризующими поэта, какъ истиннаго христіанина, полнаго глубокаго смиренія и пламенной любви къ Богу:

Иже смирится, яко отроча,
той есть болій во
царствіи небеснѣмъ.

Матѳ. гл. 11 ст. 13.

Любяй мя, возлюбленъ
будетъ отцемъ моимъ;
и азъ возлюблю его, и
явлюся ему самъ.

Іоанн. гл. 14 ст. 21.

Задушевность и человѣчность поэзіи Жуковскаго имѣли огромное воспитательное вліяніе на наше общество, и до сихъ поръ его произведенія могутъ служить лучшей книгой и руководствомъ для подростающаго поколѣнія

Пусть общество наше переросло произведенія Жуковскаго, и цвѣты его поэзіи потеряли для него свой ароматъ. Но если въ зрѣлыя лѣта полезно перенестись къ золотымъ днямъ и поэтическимъ грезамъ юности, перенестись къ тѣмъ воспоминаніямъ, которыя даже на деревянномъ лицѣ Плюшкина способны пробудить свѣтлый лучъ или хотя блѣдное отраженіе луча, то не менѣе полезно припомнить произведенія нашей юной поэзіи, отъ которой вѣетъ дивной чистотой и искренностью, и проникнуться ея высокими идеалами, такъ освѣжающе дѣйствующими на лучшія струны нашего сердца.

Въ нашъ вѣкъ, вѣкъ огромнаго техническаго и умственнаго прогресса и часто встрѣчаемаго разногласія между общественною жизнью и законами нравственности и основными истинами христіанскаго ученія, не лишнимъ будетъ возстановить въ сознаніи общества прекрасный, свѣтлый образъ русскаго поэта съ его возвышенной душой и благороднымъ сердцемъ, поэта, который не только въ своихъ произведеніяхъ проводилъ высокіе христіанскіе идеалы, но и старался воплотить эти идеалы въ дѣйствительности, положивъ религіозныя и нравственныя убѣжденія въ основу всей своей жизни.

Н. В. Скляровъ.

Памяти Бѣльскаго благочиннаго, священника Августина Тарановича.

23-го апрѣля сего года, около 7 ч. вечера, скоропостижно скончался отъ паралича сердца Бѣльскій благочинный, священникъ Августинъ Тарановичъ.

Почившій—сынъ священника Льва Тарановича; родился 17 февраля 1831 г. въ с. Комотовѣ, Гродненской губерніи. Въ 1857 г. окончилъ курсъ ученія въ Литовской семинаріи. 1 мая 1858 г. высокопреосвященнымъ митрополитомъ Іосифомъ рукоположенъ во священника къ Ятвѣсской Рождество-Богородичной церкви, Гродненскаго уѣзда. Съ 1869 г. до дня смерти состоялъ священникомъ Бѣльской Михаило-Архангельской церкви. Съ 1873 г. по 1877 г. почившій состоялъ, по выбору, помощникомъ Бѣльскаго благочиннаго, а съ 25-го іюля 1886 г. былъ Бѣльскимъ благочиннымъ. Почившій состоялъ еще членомъ Бѣльскаго уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго Совѣта и законоучителемъ Бѣльскаго приходскаго училища.

Строго аккуратный и исполнительный по службѣ, покойный о. Августинъ всегда былъ по заслугамъ цѣнимъ своимъ начальствомъ; имѣлъ всѣ іерейскіе награды (до наперснаго креста включительно) и орденъ св. Анны 3-й степени за усердную службу по должности благочиннаго.

Почившаго о. Августина я зналъ только старцемъ уже съ надломленнымъ здоровьемъ и потому могу говорить о немъ, какимъ онъ былъ въ свои послѣдніе годы.

Правда, въ старцѣ всегда были живы впечатлѣнія молодости и о. Августинъ въ разговорахъ съ мной часто самъ вспоминалъ свою юность, родную семинарію, памятные для нашего края 60-е годы, митрополита Іосифа, возсоединеніе уніатовъ...

Ярче дѣйствительности вставали тогда предъ нимъ его семинарскіе преподаватели, его товарищи по школѣ и службѣ, вся жизнь тогдашняя—и легкая и трудная,—проще, быть можетъ, даже бѣднѣе нынѣшней, но спокойнѣе, счастливѣе...

«Да,—въ раздумьи говаривалъ покойный, заключая свою бесѣду,—прежнія времена митрополита Іосифа и Макарія были лучшія для насъ: всюду замѣчался подъемъ русскаго и религіознаго духа; всякій священникъ на своемъ посту стоялъ высоко и прочно. Тогда мы пользовались почетомъ отъ всѣхъ. Всѣ помнятъ почему-то строгость митрополита Іосифа, хотя онъ рѣдко проявлялъ ее, и мы въ немъ имѣли прежде всего сильнаго и вѣрнаго защитника. А какое единеніе было тогда въ русскомъ обществѣ этого края - свѣтскихъ съ духовными? Какъ просты и искренны были тогда братскія отношенія между собою священниковъ! А теперь?.. Всюду царитъ взаимное не овѣріе, иногда и зависть... Развѣ вы гдѣ услышите теперь живой разговоръ, откровенный обмѣнъ мыслей даже между своими—священниками?! Скука какая-то всѣхъ захватываетъ, недовольство... Да, какъ-то лучше, свободнѣе дышалось въ тѣ времена. И трудились тогда многіе не меньше, чѣмъ теперь»..

Трудился и покойный о. Августинъ. Я знаю, изъ его разсказовъ, какъ много потрудился онъ, изучая церковное пѣніе и устрояя церковный хоръ, который процвѣтаетъ и нынѣ. Всѣмъ извѣстно, какъ онъ радѣлъ о благолѣпіи приходского храма, какъ много сдѣлалъ онъ для огражденія своихъ прихожанъ отъ вліянія католицизма. Мало того, 66 католиковъ онъ присоединилъ къ православію.

Какъ благочинный, почившій былъ всегда аккуратенъ, ко всѣмъ одинаково добръ, предупредителенъ, искрененъ. Чуждый даже мысли сдѣлать кому-нибудь зло, онъ, напротивъ, всегда старался, если только могъ, предупредить чужую непріятность.

Несмотря на то, что почившій былъ занятъ всегда своими служебными обязанностями, онъ все же лично велъ свое, хотя и небольшое, но образцово имъ поставленное хозяйство; всегда былъ заботливымъ отцомъ, примѣрнымъ семьяниномъ.

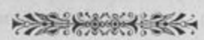
Нѣжную и искреннюю привязанность питала всегда къ своему отцу семья почившаго. Глубокое уваженіе, непритворную преданность находилъ почившій и въ сердцахъ своихъ прихожанъ. Эта привязанность къ покойному сказалась и въ отношеніи всѣхъ къ его смерти, которая наступила такъ неожиданно.

О. Августинъ страдалъ порокомъ сердца. Въ день смерти онъ служилъ обѣдню и, послѣ обѣда, среди бесѣды съ домашними, почилъ внезапно, но мирно, безъ единаго вздоха.

Домъ почившаго скоро наполнился. Родные и знакомые, пораженные столь внезапной кончиной о. Августина, спѣшили къ его смертному одру.

Надъ усопшимъ почти непрерывно совершались панихиды. Въ среду, 24-го, вечеромъ, тѣло при большомъ стеченіи народа перенесли въ церковь, гдѣ совершено было заупокойное всенощное бдѣніе, а на другой день послѣ заупокойной обѣдни и отпѣванія густая толпа народа проводила несомые священниками останки своего пастыря къ мѣсту его вѣчнаго упокоенія. Божественная литургія, отпѣваніе и всѣ службы надъ усопшимъ о. Августиномъ были совершены соборне, во главѣ съ протоіереемъ о. Григоріемъ Пѣнькевичемъ. Предъ отпѣваніемъ и у могилы почившаго были сказаны надгробныя рѣчи.

Свящ. **М. Жуковскій.**

Рѣчь, произнесенная въ день погребенія священника Августина Тарановича 25 апрѣля.

Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе!

Еще не умолкло, братіе, среди насъ это пасхальное привѣтствіе, еще слышатся радостныя пасхальныя пѣснопѣнія, какъ вѣсть о смерти и надгробная пѣснь прерываетъ ихъ.

Давно ли мы привѣтствовали тебя, почившій собратъ, съ Свѣтлымъ праздникомъ? А нынѣ, стоимъ, смущенные твоею внезапною смертью, уже у гроба твоего. Давно ли мы желали тебѣ долгой жизни и благъ этого міра? И теперь собрались проводить тебя въ иной, лучшій, но невѣдомый міръ, міръ вѣры и вѣчныхъ надеждъ христіанина...

Что же это?—недоумѣваемъ мы. Воспѣваемъ мы побѣду жизни, побѣду Христа надъ адомъ и смертью—и видимъ предъ собою, оплакиваемъ новую жертву, новую побѣду этой смерти. Съ весной, съ обновленіемъ природы, съ пасхальной радостью въ насъ обновились силы, ожили, расцвѣли всѣ лучшія мечты и надежды, и смерть указуетъ намъ на всю ихъ тщету, на конецъ всѣхъ нашихъ надеждъ и желаній.

Такъ всегда она смущаетъ насъ, малодушныхъ послѣдователей Христа. Увы! Даже пламенѣвшія любовію и вѣрою сердца Его первыхъ послѣдователей смущались предъ призракомъ смерти. Но проходили минуты малодушія и, обновленныя благодатью Христовой, они съ радостью шли даже на насильственную смерть, на страшныя муки, уже жаждая смерти, какъ избавленія, какъ начала новой вѣчной жизни въ единеніи со Христомъ...

Тѣмъ болѣе не должно намъ нынѣ, братіе, смущаться предъ этой мирной христіанской кончиной.

Я вижу теперь тебя, дорогой собратъ, уже радостнымъ и счастливымъ въ небесной обители. Я радуюсь за тебя и желалъ бы, чтобы ничьи земныя слезы не нарушали нынѣ твой небесный покой, не омрачали начало твоей новой блаженной жизни; я бы желалъ, чтобы всѣ порадовались за тебя твоей свободѣ и обновленію, тому что отъ пасхальной радости ты перешелъ въ жизнь, гдѣ никогда не узнаешь болѣе слезъ и воздыханій, тому, что отъ немощной старости ты обновился къ вѣчно-юной, нестарѣемой жизни, отъ молитвы земной, отъ нашихъ пасхальныхъ пѣснопѣній ты перешелъ туда, гдѣ будешь вѣчно слышать ангельскія славословія Воскресшему Господу. Не слезы родныхъ, не наши земныя проводы занимаютъ теперь тебя, а небесное срѣтеніе.

О чемъ же тоскуемъ, чего смущены мы? Не за себя ли боимся, не дрожимъ ли, узрѣвъ лице смерти, за непрочность своей жизни и земного счастья, забывая, что она начало вѣчной блаженной жизни!..

«Да не смущается сердце ваше и да не устрашается», сказалъ Христосъ, ободряя апостоловъ предъ своею смертью. Пусть не страшитъ нынѣ и насъ, братіе, призракъ безсильной смерти, ибо, если мы умираемъ со Христомъ, то и «воскреснемъ и живы будемъ съ Нимъ».

«Миръ Мой оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ», говорилъ Господь, покидая учениковъ Своихъ!

Завѣтомъ мира будетъ для насъ и твоя вся жизнь, почившій пастырь. Тихо протекли твои многіе годы. Ты былъ кроткимъ и добрымъ пастыремъ. Ты никому не дѣлалъ зла. И въ паствѣ, какъ въ семьѣ своей, былъ миренъ и привѣтливъ со всѣми. Мирной, христіанской была и твоя внезапная кончина. Да будетъ вѣчно живъ твой добрый примѣръ среди насъ!

Теперь, разлучаясь съ тобою, обратимся ко Господу въ скорби нашей! Ему повѣдаемъ объ утратѣ своей!.. И растворится въ молитвѣ наше горе, исцѣлѣетъ сердечная рана родныхъ, смирится тревога нашей души. Въ молитвѣ лишь возможно теперь и наше единеніе съ тобою, отошедшимъ отъ насъ. Аминь.

Свящ. **М. Ж.**

СУДЬБЫ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ СВЯЗИ съ ИСТОРІЕЮ ЛАТИНСТВА и УНІИ

въ

ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ въ XIX столѣтіи

(1794—1900 гг.).

(*Продолженіе* *).

1877 годъ.

Еще въ концѣ 1876 года состоялся (24 декабря) указъ Святѣйшаго Сѵнода относительно новыхъ формъ приходо-расходныхъ церковныхъ книгъ и ежегодныхъ отчетныхъ вѣдомостей, обозначенныхъ литерами А, Б, В, Г и Д и римскими цифрами I, II, III, IV, V, VI; равно Св. Сѵнодъ выработалъ правила о порядкѣ записи въ церковныя книги прихода и расхода суммъ и представленія отчетныхъ вѣдомостей.

10 марта 1877 г. Литовская духовная консисторія предложила духовенству епархіи вышеупомянутый указъ Св. Сѵнода къ исполненію; при чемъ вмѣнила въ обязанность причтамъ и, въ особенности, благочиннымъ, чтобы они на благочинническихъ съѣздахъ тщательно вникнули въ смыслъ и содержаніе правилъ и при записи прихода и расхода, равно при составленіи годичной отчетности (по каждой церкви особо, и по благочинію) строго держались порядка, правилами указаннаго; при чемъ благочинные должны руководить причтами, въ случаѣ какихъ-либо затрудненій или недоразумѣній. Казначею консисторіи предложено изготовить потребное количество приходныхъ и расходныхъ книгъ по приложеннымъ формамъ въ объемѣ не менѣе 100 листовъ—къ 1 мая 1877 г., такъ, чтобы со второй половины того же года причты Литовской епархіи могли начать вести запись приходо-расходныхъ книгъ уже по новымъ формамъ.

*) См. Гродн. Еп. Вѣд. № 15

Причтамъ церквей предложено закончить по старымъ книгамъ запись прихода и расхода за первое полугодіе и затѣмъ перенести итоги записей перваго полугодія въ новыя книги подъ 1 іюля 1877 г. Старыя книги благочинные должны собрать отъ церквей благочинія, провѣрить ихъ и затѣмъ, удостовѣрившись въ правильности перевода церковныхъ суммъ изъ старыхъ книгъ въ новыя, представить при рапортахъ въ консисторію—къ 1 іюля 1877 г. По окончаніи каждаго трехлѣтія книги должны представляться (къ 1 февраля) въ консисторію.

Получивши это распоряженіе консисторіи, Бѣлостокскій благочиннической съѣздъ просилъ отсрочить представленіе старыхъ книгъ для ревизіи въ консисторію до конца 1877 г. въ виду надобности этихъ отчетовъ для составленія годовыхъ отчетовъ. Литовская духовная консисторія ходатайство признала уважительнымъ и разрѣшила просимую разсрочку до конца 1877 г. [578]).

16-го мая 1877 года преосв. Владиміръ, епископъ Брестскій, второй викарій Литовской епархіи, назначенъ епископомъ Ковенскимъ, первымъ викаріемъ той же епархіи. На его мѣсто былъ назначенъ ректоръ Минской семинаріи архимандритъ Іаннуарій.

Преосвященный Іаннуарій (въ мірѣ Іоаннъ Вознесенскій)—сынъ причетника Курской епархіи. По окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи постриженъ (7 ноября 1849 г.) въ монашество. Въ 1852 г. удостоенъ степени магистра; 29 октября 1852 г. назначенъ инспекторомъ Подольской духовной семинаріи; 4-го октября 1862 г.—ректоромъ Астраханской семинаріи; 8 апрѣля 1868 г.—Минской; 5-го іюня 1877 г. хиротонисанъ въ епископа Брестскаго. 17-го февраля 1879 г. назначенъ епископомъ Балтскимъ, викаріемъ Подольской епархіи. Скончался 5 сентября 1883 г. [579])

Во всѣхъ мѣстахъ своего служенія преосв. Іаннуарій оставилъ по себѣ прекрасныя воспоминанія въ душѣ своихъ учениковъ и своей паствы справедливостью, чуждою бездушнаго формализма, снисходительностью и отеческою заботливостью. Съ церковной каѳедры онъ часто произносилъ проповѣди (въ г. Гроднѣ въ теченіе одной половины 1877 г. онъ произнесъ шесть поученій) [580]); въ частной жизни отличался радушіемъ и хлѣбосольствомъ. Въ Астрахани внесъ немалыя пожертвованія на устройство въ семинарскомъ храмѣ горняго мѣста и превратилъ Входо-Іерусалимскую церковь изъ холодной въ теплую; сверхъ того на свой счетъ отремонтировалъ ректорскую квартиру... Благотворя неимущимъ, оставался безсребренникомъ, такъ что напр., уѣзжая изъ Астрахани, не имѣлъ средствъ на путешествіе въ Минскъ,—пришлось ему дожидаться казенныхъ прогоновъ. Во всей своей дѣятельности преосвященный отличался большою скромностью. Никогда и ни въ чемъ онъ не выдавался блестящею инниціативою какихъ-либо особыхъ выдающихся предпріятій, подвиговъ; но при этомъ не отказывался ни отъ какого труда; каждое порученное ему дѣло (самое мелочное) выполнялъ съ усердіемъ и тщательностью—какъ должно. Въ немъ совсѣмъ отсутствовало (какъ и въ преосв. Іосифѣ, недавно почившемъ) чувство аккомодаціи, приспособленія къ чужимъ вкусамъ и наклонностямъ; равнымъ образомъ не было у него искусства выставлять передъ власть имущими свои доблести и способности. Этими обстоятельствами объясняется медленное движеніе преосв. Іаннуарія по іерархической лѣстницѣ (епископства онъ достигъ послѣ 28-лѣтняго служенія въ священномъ санѣ; скончался, не достигши самостоятельной епископской каѳедры) [581]).

Хиротонія преосвященнаго совершена была въ Александро-Невской лаврѣ преосв. Исидоромъ, митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ, преосв. Гермогеномъ, епископомъ Ладожскимъ и преосв. Варлаамомъ, епископомъ Выборгскимъ (викаріями С.-Петербургской епархіи). 26 іюня 1877 г. новый епископъ Брестскій уже совершилъ въ Гродненскомъ Софійскомъ соборѣ первое служеніе, за которымъ произнесъ первое поученіе Гродненской паствѣ [582]).

Отмѣчаемъ дальнѣйшія событія церковной жизни Гродненской губерніи за 1877 г. Въ этомъ году (и въ послѣдующемъ 1878-мъ) происходила война за освобожденіе славянъ; по этому поводу по всей Имперіи собирались пожертвованія на санитарныя нужды губерніи. Духовенство Гродненской губерніи также не осталось въ сторонѣ отъ общаго движенія, охватившаго всю православную Русь; и дѣйствительно, причты нашей арміи вносятъ, по мѣрѣ своихъ силъ, пожертвованія на указанную выше цѣль; списокъ жертвуемыхъ суммъ былъ напечатанъ въ «Литовскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» [583]).

Затѣмъ въ 1877 г. опять былъ выдвинутъ вѣчно новый и вмѣстѣ старый вопросъ (поднятый еще въ 1871 г.) о $2^1/_2$% вычетѣ изъ штатнаго жалованья духовенства въ видахъ обезпеченія вдовъ и сиротъ; вопросъ объ этомъ былъ возбужденъ, прежде всего, нѣкимъ священникомъ Пружанскаго уѣзда; священникъ «изъ Полѣсья» предложилъ обложить всѣ причтовыя земли и угодія епархіи каждогоднымъ процентнымъ по-десятиннымъ сборомъ, смотря по роду и качеству земли—въ большей или меньшей пропорціи. Къ этому можно прибавить еще возбужденный Литовскимъ епархіальнымъ попечительствомъ (1875 г.) вопросъ объ отдѣленіи отъ земельныхъ церковно-приходскихъ надѣловъ опредѣленной пропорціи земли или сѣнокоса, могущихъ натурой или арендной платой служить къ обезпеченію вдовъ и сиротъ духовнаго вѣдомства Послѣдній проектъ, переданный на обсужденіе благочинническихъ съѣздовъ, вызвалъ несочувствіе большей части послѣднихъ; впрочемъ, значительная часть благочиній высказалась въ пользу увеличенія пособій вдовамъ и сиротамъ, хотя размѣръ увеличенія былъ показанъ различно; причты Черевачицкаго, Волковыскаго, Шерешевскаго и Сокольскаго благочиній отказались отъ обязательныхъ взносовъ и предоставили ихъ доброй волѣ духовенства. Но такъ какъ отъ многихъ благочиній и въ 1877 г. не было получено надлежащихъ свѣдѣній, то вопросъ объ улучшеніи положенія вдовъ и сиротъ остался безъ дальнѣйшаго движенія [584]).

Въ томъ же 1877 г. (30 іюня) 9 депутатовъ Жировицкаго окружнаго съѣзда (депутаты девяти десятковъ церквей) обратились къ преосв. Макарію съ прошеніемъ, въ которомъ просили владыку ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о переводѣ Жировицкаго духов-

[578]) Лит. Еп. Вѣд. 1877 г. 132, 139, 202.
[579]) Извѣковъ 21.
[580]) Лит. Еп. Вѣд.—ibidem 224—6; также 262, 271, 328, 337, 364, 404. Онѣ изданы особою книгою въ слѣдующемъ 1878 г.
[581]) Ibidem 239.
[582]) Ibidem 194.
[583]) Ibidem 353, 394, 423; Вѣд. 1878 г. 31, 87.
[584]) Ibidem 302, 329, 349. Извѣковъ 229.

наго училища обратно въ Кобринъ. въ виду слѣдующихъ соображеній.

1) Кобринъ находится въ центрѣ трехъ уѣздовъ, изъ которыхъ главнымъ образомъ состоитъ училищный округъ, между тѣмъ какъ Жировицы—на восточной окраинѣ губерніи (въ 20 верстахъ отъ границы Минской губерніи).

2) Въ Жировицы приходится ѣхать отъ станціи Доманово, часто въ распутицу, на наемныхъ лошадяхъ, между тѣмъ какъ въ Кобринъ духовенство можетъ путешествовать на собственныхъ лошадяхъ.

3) М. Жировицы—село, отстоящее отъ г. Слонима на 10 верстъ; въ Жировицахъ нѣтъ даже лавокъ, въ которыхъ можно было бы купить необходимые для учащихся предметы, почему за ними приходится ѣздить въ Слонимъ.

4) Въ Кобринѣ доктора безмездно служили пользамъ училища; между тѣмъ какъ въ Жировицы Слонимскіе врачи даже за приличное вознагражденіе отказываются ѣздить; при чемъ даже было нѣсколько смертельныхъ случаевъ учениковъ вслѣдствіе несвоевременности медицинской помощи заболѣвшимъ.

5) Въ г. Кобринѣ членами училищнаго правленія могутъ быть лица, служащія въ Кобринѣ или въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, могущія исполнять свои обязанности безмездно; между тѣмъ какъ въ Жировицкомъ училищѣ они получаютъ 160 руб. на путевые расходы, да и то еще заявляютъ, что эта сумма не покрываетъ эти расходы.

6) Въ г. Кобринѣ легко можно обойтись одною лошадью, между тѣмъ къ въ Жировицахъ нхъ требуется двѣ, что составляетъ лишній расходъ.

7) Въ г. Кобринѣ есть городская аптека, тогда какъ въ Жировицахъ приходится содержать аптеку при училищѣ.

8) Громадныя зданія Жировицкаго монастыря требуютъ капитальнаго ремонта для приведенія ихъ въ надлежащій видъ.

9) Въ м. Жировицахъ въ одномъ и томъ же зданіи помѣщается духовное училище и монастырь, почему является смѣшеніе интересовъ и взглядовъ на право владѣнія, столкновенія между начальствами училища и монастыря, чего не можетъ быть въ г. Кобринѣ.

10) Непосредственное сожительство учениковъ съ крайне испорченною монастырскою прислугою и низшимъ клиромъ не можетъ не оказывать вреднаго вліянія на воспитанниковъ Жировицкаго училища въ нравственномъ отношеніи, несмотря на всѣ мѣры и стремленія училищнаго начальства.

11) Начальники и преподаватели Жировицкаго училища тяготятся жизнію въ глухомъ и отдаленномъ отъ города мѣстечкѣ, пеняютъ на дороговизну мѣстной жизни и недостатокъ общества, а потому охотно оставляютъ службу въ Жировицахъ, что невыгодно отзывается въ педагогическомъ отношеніи.

12) Рѣшеніе вопроса о перенесеніи училища изъ Кобрина въ Жировицы состоялось вслѣдствіе необдуманности депутатовъ округа, такъ какъ вопросъ объ этомъ былъ предложенъ на епархіальномъ съѣздѣ неожиданно для всѣхъ. Между тѣмъ вопросъ этотъ, по его важности, долженъ бы быть объявленъ духовенству заблаговременно, дабы оно имѣло возможность зрѣло его обсудить...

Получивши это заявленіе, преосв. Макарій запросилъ мнѣніе преосв Іаннуарія, который лично посѣтилъ Кобринъ и Жировицы, послѣ чего высказался рѣшительно въ пользу Жировицъ. При этомъ, не отрицая нѣкоторыхъ неудобствъ, представляемыхъ помѣщеніемъ училища въ Жировицахъ, преосвященный находилъ, что и помѣщеніе въ Кобринѣ нисколько не поможетъ дѣлу; если же представится необходимость перевести училище изъ Жировицъ, то перевести его надо не въ Кобринъ, но въ Гродну, гдѣ для постройки его зданія надо отвести особое мѣсто.

Послѣ этого вопросъ о перенесеніи духовнаго училища изъ Жировицъ въ Кобринъ былъ переданъ на заключеніе 5-го епархіальнаго съѣзда (1877 г.), который, обсудивши прошеніе 9-ти депутатовъ и мнѣніе преосв. Іаннуарія, просилъ преосв. Макарія:

1) Училище оставить въ м. Жировицахъ, которое въ матеріальномъ, гигіеническомъ и топографическомъ отношеніяхъ несравненно выше и лучше гор. Кобрина. Вопросъ объ этомъ переводѣ впредь не возбуждать безъ существенной надобности, такъ какъ толки о семъ невыгодно отзываются на матеріальномъ благосостояніи училища.

2) Съѣздъ призналъ необходимымъ сдѣлать новое и полное разграниченіе зданій и угодій между монастыремъ и училищемъ въ зданіяхъ, ремонтѣ и угодіяхъ—и обратился къ преосвященному Макарію съ просьбою оказать отеческое участіе въ благоустройствѣ дальнѣйшаго мирнаго теченія жизни училища. По этому поводу владыка назначилъ комиссію изъ казначея Жировицкаго монастыря, помощника смотрителя и отъ мѣстнаго духовенства училищнаго округа — настоятеля Бѣльскаго собора Пѣньковича.

3) Признавая соприкосновеніе учениковъ съ монастырскими жильцами вреднымъ для первыхъ, съѣздъ просилъ преосв Макарія сдѣлать распоряженіе не назначать въ Жировицкій монастырь епитимистовъ.

По этому пункту преосвященный предложилъ не назначать въ Жировицкій монастырь такихъ эпитимистовъ, которые по своимъ извѣстнымъ слабостямъ могутъ служить соблазномъ для учениковъ училища [385]).

5 іюня скончался въ Пожайскомъ монастырѣ бывшій настоятель монастыря Супрасльскаго Викентій Журовскій, на 76 году своей жизни. Покойный окончилъ курсъ еще въ Кременецкомъ лицеѣ (основанномъ на Волыни извѣстными полонизаторами Адамомъ Чарторыйскимъ и Ѳаддѣемъ Чацкимъ); богословскимъ наукамъ учился въ Кременецкомъ монастарѣ; постриженіе принялъ въ Почаевской лаврѣ въ 1827 г. Рукоположенъ во іеродіакона въ томъ же году, а во іеромонаха въ 1838 г. Въ 1827—1833 г въ Кременецкомъ и Загоровскомъ монастыряхъ, обучаясь богословскимъ наукамъ самъ, былъ надзирателемъ и репетиторомъ математическихъ наукъ; затѣмъ временно перемѣщенъ въ Тороканскій монастырь, гдѣ въ теченіе года занимался письмоводствомъ по монастырю. Въ 1834 г. назначенъ учителемъ Кобринскаго, затѣмъ Супрасльскаго и Гродненскаго духовныхъ училищъ; въ 1841 г.—инспекторомъ и затѣмъ смотрителемъ; при чемъ, вслѣдствіе безпримѣрной по тому времени дороговизны, въ теченіе 8 лѣтъ самъ безмездно занимался содержаніемъ духовныхъ воспитанниковъ въ устроенной имъ на

---

385) Лит. Еп. Вѣд. 384—389. Извѣковъ (83—4) разсмотрѣніе вопроса о переносѣ училища изъ Жировицъ ошибочно относитъ къ епарх. съѣзду 1871 г. вмѣсто 1877 г.

свой счетъ, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, общежительной квартирѣ. Въ 1859 году назначенъ настоятелемъ Супрасльскаго монастыря; въ 1867 г. возведенъ въ санъ архимандрита; въ 1876 г. уволенъ на покой и остальное время своей жизни провелъ въ Пожайскомъ монастырѣ. Въ аттестаціи объ его службѣ сказано, что онъ «всѣ должности проходилъ при хорошемъ поведеніи исправно и безопустительно» [586]; но историкъ Супрасльскаго монастыря находитъ,—и не безъ основанія,—что время его управленія Супрасльскимъ монастыремъ было временемъ упадка монастыря какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи; равно ставитъ ему въ вину раздачу монастырскихъ документовъ и книгъ въ частныя руки, слѣдствіемъ чего было расхищеніе монастырскаго архива [587].

Переходимъ къ обозрѣнію главнѣйшихъ фактовъ церковнаго строительства въ Гродненской губерніи за 1877 годъ.

22 мая освящена Цѣхановецкая церковь (Бѣльскаго уѣзда) во имя Вознесенія Господня, сооруженная на средства казны.

29 мая—Заблудовская кладбищенская церковь (Бѣлостокскаго уѣзда) [588].

10 іюля—Голынская церковь послѣ ея ремонта.

20 іюля освященъ новый иконостасъ въ кладбищенской церкви при дер. Дубкѣ, Приборовскаго прихода (Брестскаго уѣзда), устроенный на мѣстныя средства (160 руб.) [589].

6 августа освящена, послѣ капитальнаго ремонта, Блуденская Николаевская церковь (Пружанскаго уѣзда). Средства на ея починку (1885 руб.) собраны мѣстными прихожанами, а также священникомъ Скабаллановичемъ (100 руб.) и служащими на желѣзнодорожной станціи Березѣ (75 р.).

21 августа преосв. Іаннуарій, епископъ Брестскій, въ сослуженіи архимандрита Иннокентія и 10 священниковъ освятилъ Брестскую крѣпостную церковь во имя Святителя Николая. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта (5 ноября 1877 г.) назначено причту Брестскаго собора жалованье по интендантской смѣтѣ военнаго министерства въ размѣрѣ протоіерею—936 р., двумъ священникамъ по 785 р., діакону—522 руб., псаломщику—240 руб., а всего по 3270 руб. въ годъ [590].

28 августа освящена Кузьмичская кладбищенская церковь (приписная къ Верейковской, Волковыскаго у.) послѣ ея ремонта на сумму 178 р 90 к.

8 сентября освящена (также послѣ ея капитальнаго ремонта) Гудевичская церковь (Волковыскаго уѣзда) [591].

15 октября освящена Омеленецкая приходская церковь (Брестскаго уѣзда) послѣ устройства новаго иконостаса и внутренней покраски, всего на сумму 830 руб., пожертвованную прихожанами [592].

22-го октября освящена новая приходская церковь въ м-кѣ Мотолѣ (Кобринскаго уѣзда), сооруженная на средства, отпущенныя правительствомъ (11927 р. 30 к.) и пожертвованія прихожанъ (3000 р.).

Того же числа освящена Гольневская церковь (Гродненскаго уѣзда) послѣ ея ремонта.

Тогда же освященъ новоустроенный каменный храмъ въ м. Клещеляхъ (Бѣльскаго уѣзда) во имя Успенія Пресвятой Богородицы [593].

22 октября преосв. Іаннуарій, епископъ Брестскій, въ сослуженіи протоіерея Гродненскаго Софійскаго собора о. Алексія Опоцкаго (нынѣ—архіепископъ Кахетинскій и Карталинскій, экзархъ Грузіи) и въ присутствіи попечителя Виленскаго учебнаго округа и другихъ почетныхъ лицъ освятилъ домовую церковь Свислочской учительской семинаріи во имя св. Димитрія Мѵроточиваго [594].

28 октября освящена Чернавчицкая церковь (Брестскаго уѣзда) послѣ ея ремонта на сумму 170 р.

30 октября освящена, послѣ ремонта, Охоновская приходская деревянная церковь (Слонимскаго уѣзда). Церковь эта сооружена въ 1628 г. княземъ Львомъ Сапѣгою, тогдашнимъ владѣльцемъ Охоновскаго имѣнія. Въ ней имѣется большой деревянный образъ Святителя Николая Чудотворца въ серебряной ризѣ, современный устройству здѣсь церкви, весьма почитаемый раскольниками за его древность [595].

6 ноября освящена приходская Степанковская церковь (Кобринскаго уѣзда), отремонтированная на мѣстныя средства (1057 р. 46 к.).

8-го ноября—Голынковская кладбищенская церковь (Гродненскаго уѣзда), послѣ ея ремонта [596].

8 ноября—Переволокская церковь (Слонимскаго у.), послѣ ея капитальнаго ремонта (1710 руб.) на средства прихожанъ [597].

12 ноября освящена Тростяницкая церковь (Брестскаго уѣзда)—кладбищенская, переустроенная изъ упраздненной приходской церкви.

1 декабря—новоустроенная деревянная церковь въ с. Пашукахъ, сооруженная на средства прихожанъ (3100 р.) при пособіи отъ правительства (500 р.) [598].

27 декабря освящена Глинянская приходская церковь (Кобринскаго уѣзда), послѣ капитальнаго ремонта (1500 р.) на средства прихожанъ.

29 декабря—Лясковичская церковь (того же Кобринскаго уѣзда), также послѣ ея капитальнаго ремонта на мѣстныя средства (1600 р. пожертвованы прихожанами и 200 р. заимствованы изъ церковныхъ суммъ) [599].

Е. Орловскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[586]) Лит. Еп. Вѣд. 1877 г., стр. 232.
[587]) Арх. Николай. Супр. монастырь 428—433.
[588]) Ibidem 185, 203.
[589]) Ibidem 261, 294.
[590]) Ibidem 266; 1878 г., стр. 45. Журналъ „Нива" 1877 г. № 5.
[591]) Ibidem 294, 301.
[592]) Ibidem 354.

[593]) Ibidem 363
[594]) Журналъ «Циркуляръ Виленскаго Учебнаго Округа» 1877 г., XI—XII, 491—503 Еще—Гродн. Губ. Вѣд 1895 г. статья Е. Ф. О. Свислочь Волковыская. (Отдѣльно—стр. 27—28).
[595]) Ibidem 370. Еще—у Іосифа. Гродн. Календарь 70—71.
[596]) Ibidem 382.
[597]) Ibidem 410.
[598]) Ibidem 1878 г., стр. 38, 46.
[599]) Ibidem 3, 13.

Нужно-ли новому духовнику исповѣдывать грѣхи, открытые прежнему духовному отцу, имъ разрѣшенные?

(Разсужденіе покойнаго о. архимандрита Павла прусскаго).

Означенный вопросъ нерѣдко предлагаютъ приходящіе къ исповѣди своимъ отцамъ духовнымъ: «а что, батюшка, нужно мнѣ исповѣдываться въ тѣхъ грѣхахъ, которые я раньше исповѣдывалъ прежнему своему о. духовному». Этотъ вопросъ ставитъ многихъ о.о. духовниковъ въ затрудненіе: не принять на исповѣдь эти грѣхи—не удовлетворить, значитъ, совѣсти кающагося, а принять на исповѣдь, значитъ, считать прежнюю исповѣдь и прежнее разрѣшеніе неполными и несильными.

Съ этимъ вопросомъ и къ покойному о. архимандриту Павлу обращались за разъясненіемъ, и одному лицу онъ далъ довольно подробное и интересное сужденіе по этому весьма важному вопросу.

«Вы,—писалъ онъ.—спрашиваете меня: если у кого умретъ отецъ духовный, или по другому какому *необходимому* случаю пойдетъ кто къ другому отцу духовному, то нужно-ли неотмѣнно ему снова всѣ грѣхи свои сказывать новому духовнику, или нѣтъ?

Въ правилахъ св. отецъ о томъ, чтобы вторично для разрѣшенія всѣ грѣхи сказывать новому духовнику, того не обрѣтается, а во св. Евангеліи о семъ писано сице: Господь нашъ Іисусъ Христосъ, дунувъ на св. Своихъ учениковъ и апостоловъ по воскресеніи, сказалъ: *«пріимите Духъ Святъ. Имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите держатся* (Іоан., зач. 65) и паки: *еже аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшено на небеси* (Матѳ., зач. 67).

Изъ сихъ словъ Спасителя явственно доказывается, что грѣхи въ таинствѣ исповѣди порученными отъ Христа лицами—отпускуются отъ Христа Духомъ Святымъ.

«Пріимите Духъ Святъ»... пріимите навсегда, а не на время только жизни священника, которому кающійся исповѣдуется: священникъ умретъ, а отпущеніе грѣховъ, имъ сдѣланное, уже совершилось на небеси, и грѣхи на разрѣшеннаго паки не возвращаются. Если же грѣхи со смертію духовника на каявшагося въ нихъ не возвращаются, то для чего же можетъ явиться нужда отъ новаго отца духовнаго испрашивать вторичное разрѣшеніе во грѣхахъ, уже разрѣшенныхъ? Не будетъ-ли это невѣріемъ разрѣшенію перваго духовника?

И если ему не нужно вторичное разрѣшеніе, то и нѣтъ необходимости новому духовнику всѣ грѣхи, исповѣданные первому духовнику, вторично исповѣдывать.

Можетъ случиться каявшемуся идти къ третьему, или четвертому и т. д. отцу духовному, и если онъ къ этимъ духовникамъ понесетъ прежде исповѣданные грѣхи, то, значитъ, онъ будетъ распространять *свое невѣріе*, въ силу разрѣшенія и на второго и на третьяго и т. д. духовниковъ, а такое невѣріе будетъ вопреки слову Божію: *«еже разрѣшите на земли, будетъ разрѣшено на небеси»*.

Итакъ, мы, основываясь на словахъ св. Евангелія, должны имѣть твердую вѣру въ таинство покаянія: что отъ отцовъ духовныхъ, пріемшихъ чрезъ апостоловъ отъ Христа власть, разрѣшенныя ими намъ согрѣшенія полагать разрѣшенными и на небеси—не упраздняется ни смертію духовника, не прекращается переходомъ къ другому духовнику. Но тѣ грѣхи, въ которыхъ кающійся не получилъ отъ перваго отца своего духовнаго разрѣшенія, неотмѣнно новому духовнику исповѣдать. И если получилъ разрѣшеніе, но не чистосердечно исповѣдался, т. е. не положилъ твердаго намѣренія отъ грѣховъ отступить, но при нихъ остался и тако Св. Таинъ причащался, таковому надо и положить твердое намѣреніе впредь грѣха такого не дѣлать, и иному духовному отцу о томъ исповѣдывать: что онъ раскаявался не чистосердечно, силы воли или твердаго намѣренія не имѣлъ къ исправленію, ибо истинное покаяніе, то и есть, еже имѣти намѣреніе со всею силою воли впредь сохранитися отъ грѣха.

Если новый отецъ духовный искусенъ въ разсужденіи, то не худо ему сказать первые грѣхи, но токмо *для совѣта и наставленія*, какъ отъ нихъ лучше поберечься, чтобы въ оные грѣхи паки не впасть, *но не для разрѣшенія*. И это не обязательно, а только для пользы и совѣта

Итакъ, возлюбленнѣйшій, что я могъ, то тебѣ написалъ, а если въ чемъ тебя Богъ вразумилъ согласнѣе со св. Евангеліемъ, тому и я послѣдовать согласенъ, да будетъ паче всего Божіе, а не наше разсужденіе».

Свящ. **В. О—въ.**

(Моск. Церк. Вѣд.).

Редакторъ Каѳедральный Протоіерей *Николай ДИКОВСКІЙ.*

Печатать дозволяется. г. Гродна, 11-го мая 1902 г. И. д. Цензора Свящ. Петръ ДЕДЕВИЧЪ. ГРОДН. ГУБ. ТИП